

Искорка

Семён Коган

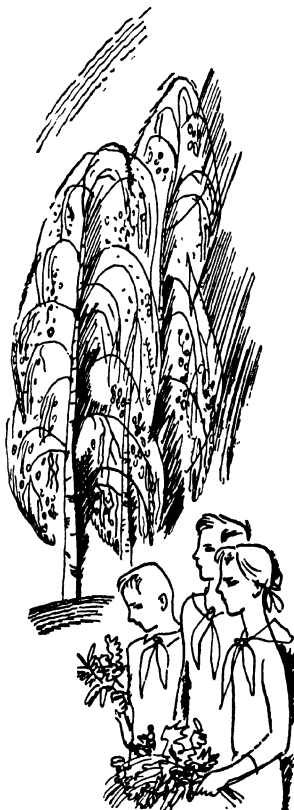
Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К

газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Баллада

О вечерних звёздах

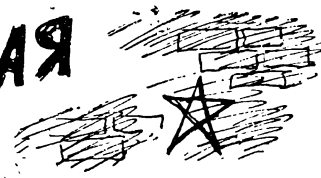
Красивый
Вечернего неба
Наряд:
На платье —
Жемчужные звёзды
Горят,
Ворчливая речка,
Как будто в бреду,
Бормочет:
— И мне подарите
Звезду!
А вечеру жемчуга
Вовсе не жаль:
Он звёзды берёт
И бросает их
Вдаль.
Жемчужные звёзды
Сияют везде:
На листьях,
На травах,
На стилой воде.
Бурлит у обрыва
Речная вода,
Висит над обрывом
Иная звезда.
У этой звезды —
фронтальная судьба:
Солдата в поход
Поднимала труба —
Навстречу огню,

Сквозь лавину,
Свинца,
Где жаркая пуля
Настигла бойца.
Боец к пулемёту
Приник головой,
Качнулся над ним
Небосвод голубой,
Последнюю пулю
Пустив по врагу,
Он умер
На нашем уже
Берегу.
Тогда и взошла
Над обрывом
Звезда...
Весной пионеры
Приходят сюда.
Ребята с собою
Приносят цветы,
Подолгу стоят
Возле этой звезды.
Ни имени
Нет на могиле,
Ни дат.
Лежит у реки
Безымянный солдат.
Вечерние звёзды,
Дробясь над водой,
Сливаются с этой
Неяркой звездой.

Рис. Ю. Шабанова

РУССКАЯ ПЕЧКА

В ЛЕСУ, среди высоких разлапистых сосен, стоит двухэтажный дом. Над домом на белом, выгоревшем от солнца древке развевается государственный флаг Советского Союза. У входа на мраморной доске высечены слова: «Застава имени Алексея Сазонова».

На втором этаже в комнате, где спят пограничники, стоит аккуратно застеленная койка с табличкой: «Младший политрук Алексей Дмитриевич Сазонов».

Тихо днём на заставе. Но точно в назначенный час пограничники выстраиваются для боевого расчёта. Звучит голос начальника заставы:

— Сегодня на охрану государственной границы заступают младший политрук Сазонов...

Правофланговый делает шаг вперёд:

— Младший политрук Сазонов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины...

К границе ведёт песчаная дорога. Если пройти по ней с километр, то на лесной опушке можно увидеть одинокую печную трубу. Земля вокруг заросла белыми цветами жасмина и кустами ши-

повника. Дожди и ветры вымыли и обдули её кирпичи, отполировали выбоины от пуль. Точно памятник, стоит эта кирпичная одинокая труба среди зелёного леса. Когда на заставу приезжают служить молодые солдаты, их всегда приводят сначала на эту заросшую цветами лесную поляну и уже отсюда начинают знакомить с границей. Потому что история заставы имени Алексея Сазонова крепко связана с историей этого места.

Пограничники Антонов и Коробов несли службу на правом фланге заставы. Ночь подходила к концу. Уже запели, завозились птицы в кустах, заалело на востоке небо. Скоро и смена. Пограничники остановились на мшистом склоне оврага.

По дну оврага стлался туман. Из него, точно из снега, торчали верхушки кустов, ели, осины. Там проходила граница.

Серое ночное небо над головой постепенно синело... Наступал день 22 июня 1941 года.

Неожиданно Антонов поднялся с земли и стал прислушиваться. Поднялся и Коробов.

— Слышишь?

Из посёлка на той стороне доносился гул автомобильных моторов.

Не сговариваясь, бойцы побежали к высокой рыжей сосне. Оттуда посёлок был как на ладони.

Сунув Коробову свою винтовку, Антонов взобрался на дерево. Приставил к глазам бинокль.

На главной улице посёлка один за другим стояли четыре грузовика. Рядом — колонна солдат в касках. Вот перед солдатами появился офицер. Он стал что-то говорить, размахивая руками и показывая в нашу сторону. Потом солдаты сели в машины и автоколонна двинулась к границе.

Антонов соскочил с дерева и в двух словах рассказал Коробову то, что видел.

— Значит, война? — спросил Коробов.

Антонов пожал плечами.

— Надо срочно сообщить на заставу. Я остаюсь наблю-

дать, а ты — бегом к командиру.

В этот момент пограничники опять услышали гул. Над лесом показалось множество самолётов. Они быстро приближались. Вот они уже над самыми головами. На крыльях — чёрные кресты.

Коробов вскинул винтовку и начал целиться. Антонов остановил:

— Береги патроны. Они сейчас нужны будут.

Один из самолётов отделился от группы и с отвратительным воем начал снижаться. Казалось, он вот-вот врежется в деревья. Но нет. Круто взмыл вверх. И сразу же раздалось несколько взрывов. Первые вражеские бомбы упали на нашу землю.

МЛАДШИЙ политрук Сазонов проверял дозоры. Он как раз шёл к посту, где дежурили Антонов и Коробов, когда появились фашистские бомбардировщики.

Сазонов видел, как один самолёт снизился и сбросил три бомбы на наш пограничный знак — полосатый столб с надписью «СССР». Вздрыбилась земля. Взрывной волной повалило несколько деревьев. Но пограничный столб устоял. Назло врагу. Он только слегка потемнел от осевшей на него серой пыли.

«Шею себе на нас сверните», — подумал Сазонов, глядя, как дымится земля вокруг пограничного знака.

Затем он достал из кобуры наган, проверил патроны и бегом бросился к дороге.

ТАМ, где дорога поднималась из оврага, по обеим сторонам её были вырыты окопы. Это был пост № 1. В случае нападения на границу сюда спешили дозорные других постов. Перекрывать дорогу и не пустить врага вглубь — вот задача, которая возлагалась на пограничников до прибытия полевых частей.

Когда младший политрук Сазонов прибежал к дороге, там уже собралось человек двенадцать. Пулемётчики лежали у пулемётов и внимательно следили за оврагом. Остальные бойцы рубили деревья, валили их поперёк дороги, устраивали завал.

Сазонову рассказали, что одна из фашистских бомб угодила прямо в заставу. Убит начальник заставы и пятеро красноармейцев. Трое ранено.

Сазонов снял с головы фуражку.

— Товарищи, — сказал он, — поклянёмся отомстить фашистам за нашего командира, за нашу заставу...

— Клянёмся! — ответили пограничники.

— Клянёмся! — повторили только что подошедшие Антонов и Коробов.

В ОВРАГЕ что-то загудело, залязгало. Показалась длинная пушка, башня — на дорогу вылез танк. На башне у него чернел крест. Поведя пушкой, словно пригнувшись, танк медленно двинулся к завалу.

За первым танком показался второй.

Следом — грузовики с пехотой.

— Антонов, — сказал младший политрук пограничнику, — возьми гранаты и ползи за мной.

Поползли между кустов рядом с дорогой. Впереди младший политрук, сзади Антонов.

Вот уже первый танк совсем близко. Сейчас поравняется с пограничниками. Слышно уже, как пахнет от мотора горячим машинным маслом. Шагов десять до танка — не больше.

Младший политрук привстал на колено и бросил связку гранат. Танк остановился.

— Приготовься, — шепнул младший политрук Антонову. — Сейчас фашисты из него полезут.

И точно. Звякнула крышка люка. Высунулся фашист в шлеме. Осмотрелся и исчез в люке.

Размахнулся Антонов и точнёхонько в люк гранатой угодил. Прямо вслед за фашистом.

Раздался взрыв. Потом второй. Третий... Это начали рваться боеприпасы в танке. С первым танком было покончено.

Приближался второй.

Антонов поднял винтовку и сделал несколько выстрелов по смотровым щелям. Танк вздрогнул, развернулся поперёк дороги и встал. Видно, водитель был убит или ранен.

Слышно было, как бойцы в окопах закричали «ура». Ещё бы! Один танк горел, а второй стоял, потеряв управление.

Заработал башенный пулемёт. Посыпались ветки придорожных кустов. Защёлкали пули.

В это время подошли грузовики с немецкой пехотой. Солдаты повыпрыгивали на землю, залегли и открыли такой огонь по кустам, что подползти к танку стало совсем невозможно.

— Ничего, — сказал Антонов, — подорвём ночью.

Пограничники вернулись в окоп.

ПОБЕДА над танками сильно воодушевила бойцов. Сколько раз поднимались немцы в атаку, столько раз заставлял их отступить меткий огонь пограничников.

Настала ночь. О сне, конечно, нечего было и думать. Сазонов распределил бойцов. Четверых во главе с Антоновым — к зданию заставы. Там в землянке могли уцелеть патроны. Может, удасться отыскать что-нибудь из еды. Трое — поползут к танку: фашистов надо было обязательно уничтожить к утру. Очень мешал он погранични-

кам своим пулемётным огнём. Остальные взялись за лопаты: укрепляли повреждённые за день окопы.

Перед рассветом группа Антонова вернулась. Пограничники принесли восемь ящиков с патронами, около двадцати гранат, два ведра питьевой воды, а из продуктов только небольшой мешочек кускового сахара. И ещё Антонов принёс дощечку от пограничного знака, на которой было написано «СССР». Приладив дощечку к палке, Антонов вкопал палку перед окопом.

— Будет как знамя, — сказал он.

— Правильно! — поддерживали бойцы.

Младший политрук тоже одобрил. У бойцов всегда должно быть знамя. А у пограничников знамени сейчас не было. Их знамя находилось в штабе погранотряда.

О группе, ушедшей на подрыв танка, долго ничего не было известно. Незадолго до прихода группы Антонова там, где стоял танк, раздалась автоматная очередь — это стрелял немец, затем несколько одиночных выстрелов, взрыв гранаты, и всё стихло. Никто из ушедших туда не вернулся. Приблизился рассвет, и младший политрук решил не посылать к танку другую группу.

С рассветом немцы опять полезли на пост. Теперь они уже шли со стороны леса. Пограничники были окружены. Перебегая от дерева к дере-

ву, фашисты приближались к окопам. Странно, что молчал их пулемёт в танке.

— Стрелять только наверняка, — приказал младший политрук, — беречь каждый патрон!

Всё ближе немецкие автоматчики, всё ближе. Уже отчётливо видны их лица. Но окоп всё молчит, будто там уже никого в живых не осталось. Фашисты совсем осмелели. Идут прямо, в открытую.

— Приготовиться, — вполголоса скомандовал младший политрук, и только он хотел произнести команду «пли!», как вдруг заработал немецкий танковый пулемёт. Но пули его почему-то били не по нашим окопам, а прямо по фашистам. Теряя убитых и раненых, враги бросились врассыпную.

— Значит, живы наши ребята, — обрадовались пограничники, — теперь-то мы повоюем. Вот бы ещё пушку танковую наладить!..

ШЕСТЬ дней небольшая горстка пограничников, возглавляемая младшим политруком Сазоновым, удерживала пост у дороги. Немцы за эти дни уже глубоко вклинились на нашу территорию, а здесь небольшой участок дороги всё ещё принадлежал нам. Давно уже не было еды. К концу подошли патроны, а пограничники всё держались.

На седьмую ночь в живых остались трое: Антонов, Ко-

робов и раненый младший политрук Сазонов. Посчитали патроны. По три штуки на человека. Две гранаты.

— Будем пробиваться к своим, — решил младший политрук.

Тут же в окопе закопали убитых товарищей. Вместе с ними зарыли в землю и пробитую во многих местах досщечку с надписью «СССР».

Осторожно выбрались из окопа. Прислушались. У немцев, притаившихся за подбитым танком, было тихо. Тихо было и у тех немцев, что окопались позади нашего поста. Пограничники знали: ползти придётся под самым носом у фашистов. Другого выхода нет.

Поползли. Ползли медленно. Проползут метра три — полежат. Послушают. Ползут дальше. У Алексея Сазонова раненая нога совсем перестала слушаться. Но он полз из последних сил. Губы кусал от боли, но молчал. Не хотел товарищам обузой быть.

Наконец погранищикам показалось, что они выбрались из опасной зоны. Тогда поднялись на ноги и, осторожно ступая по мягкой хвое, двинулись на восток.

Видя, что Алексей Сазонов хромотает, Антонов подошёл и подставил ему плечо. Так и пошли дальше, обнимая друг друга.

Шагов через триста сели отдохнуть. Давно ничего не ели и от этого не чувствовали в себе никакой силы. Но

ги слушались плохо, голова кружилась.

— Не могу идти, — тихо сказал Коробов. — Совсем силы нет. Вы идите, а я здесь останусь. Поем каких-нибудь кореньев — тогда побреду.

— Зачем так говоришь, Ваня? — Младший политрук положил руку на плечо пограничнику. — Ты же сильный! Ведь на заставе, поди, никого сильнее тебя не было.

— Не было, — согласился Коробов. — Только сейчас без еды я совсем ослаб...

Младший политрук достал из кармана завернутый в платок маленький кусочек сахара. Он оставил его от своей последней порции и берёт на самый крайний случай. Протянул Коробову:

— На вот, съешь, и пойдём...

Прошли ещё с полкилометра. Вдруг шедший впереди Коробов остановился:

— Товарищ младший политрук, наша сушилка!

Метрах в пяти перед бойцами в слабом сумрачном свете ночи темнела избушка. В этой избушке стояла большая русская печка. На ней пограничники в мирные дни всегда сушили свои маскировочные халаты, сапоги, шинели — всё, что промокало от лесной росы во время дозоров.

При виде сушилки все сразу вспомнили, что у старшины Саенко была привычка сушить в русской печке сухари. При воспоминании о душистых, поджаристых су-

харах у пограничников потекли слюнки.

— Разрешите я посмотрю, — предложил Коробов.

Младший политрук задумался. Вдруг в избушке фашисты? А если фашистов нет и Коробов найдёт сухари?..

Немцев в избушке не оказалось. Они, видно, не наткнулись на неё пока. Под окном на лавке стоял бачок с питьевой водой. Чей-то забытый маскировочный халат висел на стене. Но сухарей не было.

Пограничники напились воды. Наполнили про запас фляги. Младший политрук обмыл рану. Антонов снял с себя нижнюю рубашку и разорвал её на бинты. Вдвоём перевязали командиру ногу. Встали.

— Ну, прощай, родная застава!

И вдруг залаяли за стеной собаки, скользнул по окну

луч фонарика, забухали тяжёлые сапоги.

Пограничники подняли винтовки. Приготовились. Слышно было, как кто-то крался к двери.

— Русс, сдавайс!

Молчание.

Тогда немец распахнул дверь и направил луч фонаря в глубь избушки.

Сухо прозвучал винтовочный выстрел. Фашист упал. Тогда по двери и окну начали бить из автоматов. Бойцы залегли. За толстыми бревенчатыми стенами они могли не бояться автоматных пуль. Надо было только запереть двери и завалить чем-нибудь окно.

Антонов подполз к двери и потянул её на себя. Задвинул засов. Лавками заложили окно, оставив небольшую щель.

Вскоре немцы прекратили стрельбу. Слышался только хриплый лай сдерживаемых собак, да временами кто-то продолжал выкрикивать:

— Русс, сдавайс!..

Так прошла ночь. Рассвело. Над лесом взошло солнце. В щель между плахами, закрывавшими окно, в комнату пробился солнечный лучик. Бойцы обрадовались ему как родному.

С наступлением дня немцы осмелели. Слышно было,

как они ходили позади избушки. Знали, что не достанет их там русская пуля. Время от времени к дверям подбирался какой-нибудь фашист и в который уже раз выкрикивал:

— Русс, сдавайс!..

Пограничники не стреляли через дверь. Берегли патроны.

Снаружи слышалось лёгкое потрескивание. Словно кто-то ломал мелкие сухие ветки. Потянуло дымом. Красноармейцы поняли, что это значит. Фашисты подождли сушилку.

С каждой минутой в комнате прибавлялось дыму. Стало уже трудно дышать. Ело глаза. Тогда бойцы легли на пол, чтобы дышать остатками воздуха. А дым всё прибывал и прибывал.

— Русс, сдавайс, сдавайс... — звучало за дверью...

Неожиданно Антонов вскопчил с пола:

— Братцы, я знаю, что делать... — Он подскочил к огромной печке, занимавшей больше половины комнаты, и стал открывать печную трубу...

А СНАРУЖИ пламя бушевало вовсю. Фашисты, вскинув автоматы, ждали, когда пограничники выйдут к ним с поднятыми руками.

На легковой машине приехал немецкий майор. Рано утром ему доложили по телефону, что русские пограничники захвачены в избуш-

ке, но не хотят сдаваться. «Подожгите избушку!» — приказал он по телефону. Подождгли. Доложили: «Всё равно не сдаются!» Майор не поверил: «Не может быть, чтобы не сдались». Сам приехал к избушке...

Когда всё было кончено, и от избушки осталась лишь кирпичная труба да почерневшая от огня русская печка, засыпанная до половины горячей золой и заваленная тлеющими головнями, майор приказал своим солдатам вытащить из-под обломков трупы советских пограничников и показать ему.

Солдаты кинулись выполнять приказ. Но сколько ни рылись — нигде ничего не находили.

«Уж не испарились ли эти русские? — подумал майор. — Нигде их нету».

В этот момент, возглавлявший раскопки обер-лейтенант неожиданно для себя взялся за печную заслонку и открыл её.

Из печки раздался выстрел. Обер-лейтенант рухнул на кучу пепла.

Пока фашисты приходили в себя от изумления, из печи выскочили наши пограничники.

— Бегите в лес, а я задержу фрицев! — крикнул Алексей Сазонов товарищам и метнул в фашистов гранату.

Троих гитлеровцев убило наповал. Остальные залегли. Сазонов устроился за обгоревшим обломком бревна и меткими выстрелами из вин-

товки не давал фашистам подняться. Тем временем Антонов и Коробов скрылись в лесу.

Наконец немцы опомнились и стали обходить Сазонова слева и справа. А у него не осталось ни одного патрона. Лишь граната, которую он прятал за пазухой.

Алексей Сазонов лежал за бревном и спокойно смотрел на немцев. Встать он не мог. Обе ноги у него были перебиты.

Видя, что русский не стреляет, немцы тоже прекратили огонь. Они догадывались, что у пограничника кончились патроны. К тому же у них был приказ: во что бы то ни стало взять этого человека живым. По звёздочкам на рукавах гимнастёрки майор понял, что перед ним не простой красноармеец, а комиссар. А немцам ещё ни разу не удавалось взять в плен красного комиссара...

Осторожно подбирались к Алексею Сазонову фашисты. Алексей опустил голову на землю и затих — будто потерял сознание. Фашисты осмелели. Всё ближе они, всё ближе. Вот они уже стоят над ним. Тянутся к нему...

Быстрым движением младший политрук Сазонов выхватил из-за пазухи гранату. Грохнул взрыв. Вместе с пограничником взорвались четверо фашистов.

Так погиб младший политрук Алексей Сазонов.

ПОГРАНИЧНИКИ Антонов и Коробов после долгих скитаний по лесам добрались к своим. Вместе с нашей армией они дошли до Берлина. Живы они и сейчас. Каждый год 29 июня в день гибели Алексея Сазонова приезжают они на заставу и кладут цветы у подножия этой печной трубы.

НА ПЕРЕКОР ОГНЮ

«ДАВАЙТЕ СЮДА ВАШИХ ВУНДЕРКИНДОВ»

Лейтенанту Аркадию Обранту было тридцать пять лет. Но он был сед как лунь.

— Садитесь, — сказал генерал. — Между прочим, ранние седины появляются от больших переживаний. Не улыбалась вам жизнь, а?

— Наоборот, — сказал Обрант. — Всё бы отлично, если бы не война.

Рядом гукнула зенитка. Классная доска (армейский штаб помещался в школе, в селе Рыбацком) качнулась и сбросила мелок на пол. Генерал поднял мелок, положил на место.

И сразу же зенитки замолотили размеренно и часто: как всегда, в эти дневные часы начинался налёт.

— Теперь, — сказал генерал, — конкретно о деле. Нужны люди для танцевальной группы агитвзвода.

— Есть такие люди, — подумав, сказал Обрант. — И если вы согласитесь...

Из окна было видно, как метрах в ста, на середине Невы, лёд и снег разлетелись белыми брызгами. На их месте встал чёрный водяной столб:

«хейнкели» рвались к штабу. В нарастающем рёве зениток Обранту приходилось почти кричать:

— Если вы согласитесь, у нас будут танцоры!..

— Откуда? — повысил голос и генерал.

— Из Дворца пионеров! — кричал Обрант.

— Что? Мальчишек и девоч-

нок — в этакое пекло?!

— В Ленинграде всюду сейчас пекло, товарищ начальник политотдела!

Воздушный налёт стих так же внезапно, как начался, но Обрант продолжал говорить по-прежнему громко. Генерал не перебивал. Лишь поглядывал в окно на Неву, где опять белел спокойный снег в серых разводьях полыней.

— Хорошо, — вздохнув, сказал генерал. — Вы меня почти убедили. Давайте сюда ваших вундеркиндов.

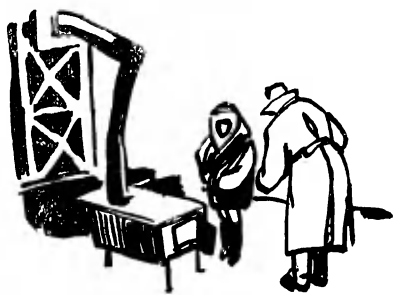
И взяв с доски мелок, покрутил его в озябших пальцах. Был февраль сорок второго.

**ЛУЧШЕ ЭТО,
ЧЕМ СМЕРТЬ...**

С Фонтанки, с Аничкова моста, убрали Клодтовых коней, и теперь Дворец, лишённый

такого кавалерийского прикрытия, казался совсем беззащитным. Обрант подошёл к нему, когда рассвет уже чуть высветлил колонны, торжественные, как и прежде. Только теперь возле них стояли не автобусы с суматошной детво-

рой, а санитарные машины: в главном здании Дворца расположился госпиталь.

Внезапно лейтенанта окликнул слабый голос:

— Аркадий Ефимыч, голубчик...

Обернувшись, он увидел невысокую измождённую женщину. Это была Варшавская — руководитель студии художественного движения, в которой перед войной работал и Обрант. Она только что выписалась из больницы.

— Вы не смотрите сейчас на меня, — сказала женщина. — Я скоро поправлюсь. Скоро вообще всё будет лучше. И Дворец снова станет пионерским. Не могут оставить детей без Дворца даже во время блокады. Как вы считаете?

Он согласился: не могут. А сам думал: «Дожи-вёшь ли ты до этого ча-

са?» Потом объяснил, зачем пришёл в Ленинград. Напряжённо ждал: одобрит ли художник?

— Это страшно, — сказала наконец Варшавская. — Детей — на фронт... Это ужасно!.. Но вы правы. Лучше это, чем голодная смерть в блокадном городе. И потом мы оба знаем, как искусство может поддерживать боевой дух солдат. А наши мальчики и девочки талантливы. Да, вы правы, дорогой.

Она достала записную книжку с адресами недавних своих студийцев. На розыски ребят отправились вдвоём.

ОТЧЕГО СЕДЕЮТ ЛЮДИ

За неделю до этого у Нелли Раудсепп умер отец. Он лежал на кровати, накрытый только простынёй, — ему уже не было холодно. А Нелли с сестрёнкой и матерью лежали в другой комнате и мёрзли. Они очень ослабли, потому что от блокадной пайки хлеба каждая съедала только три четверти — остальное копили, чтобы выменять это на гроб для отца.

Лейтенант Обрант ведёт занятие. За партами школы в Рыбацком — ансамбль...

Лейтенант молча слушал Нелли.

— Девочка, — сказал наконец Обрант. — Они ответят за всё. Но если ты хочешь отомстить, бороться, пойдём со мной.

Он объяснил — зачем и куда. Анна Кирилловна заплакала. Но дочь уже поднималась с постели, и мать кивнула ей: «Я согласна»... Нелли зашла в соседнюю комнату к отцу, минут через десять вернулась, глаза её были сухи.

— Я готова, Аркадий Ефимович...

Лейтенант и Варшавская побывали ещё у пятерых студийцев, четырнадцати-пятнадцатилетних ребят, выглядевших сейчас, в феврале 1942 года, жалким подобием самих себя — когда-то весёлых, ловких, сильных девчонок и мальчишек. Генька Корневский, закутанный в шаль, колот лёд перед домом. Ломик в его руках поднимался редко, стучал несильно. Когда дома он снял шапку, голова его оказалась совсем голой: от голода выпали волосы... Валя Клейман, отворяя гостям дверь, едва дополз до неё.

— Аркадий Ефимович... — прошептал он, лёжа на полу, и заплакал.

Но и эти двое, и Вера Мефодьева, и Феликс Морель, и Валя Штейн не колеблясь решили стать бойцами фронтового агитвзвода.

Перед войной вся шестёрка танцевала в пионерском ансамбле песни и пляски у самого Дунаевского. Поэтому в

гардеробе ансамбля, ещё сохранившемся, ребятам без задержки выдали костюмы — украинские, белорусские, казачьи. Выдали и рюкзаки. Дворец собирал своих воспи-

танников в дорогу, как бывало и раньше, — обстоятельно и любовно. Лишь хлеба не было во Дворце...

В пути сперва повезло: от Московского вокзала пополз паровоз с вагоном. Но вскоре остановился — дальше поезда не шли.

— Что будем делать? — спросил Обрант. — До места километров пятнадцать.

— Станный вопрос, — сказал Генька. — Солдаты ходят и пешком.

Все согласились — солдаты ходят и пешком. Лейтенант тоже не противился этому: стоять на месте было равносильно гибели — от голода, от мороза, от тоскливого сознания своего бессилия. И первым двинулся вперёд, таща салазки с грузом, не уместившимся в рюкзаках. В пути Валя Клейман упал и не смог подняться. Его положили на доску, привязали к ней верёвку и потащили эти санки тоже.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

— Так-так, — сказал начальник политотдела на следующий день ребятам. — Как поживаете, товарищи бойцы?

Мальчишки вскочили с кроватей, даже вконец ослабевший Валя Клейман сел — ночь здорового сна, горячая пища да заботы фронтового врача начинали делать своё дело. И поэтому «бойцы» гаркнули дружно:

— Отлично поживаем, товарищ генерал!

И Валя Клейман, чуть оробев и прикрыв одеялом худые, голенастые ноги, подтвердил, что поживает отлично.

— Вот и врётё, — хмуро сказал генерал. — Типичные дистрофики, а задаётесь. Ну, ладно, подкормим вас, подлечим, всё со временем образуется. Кстати, при первой же тревоге все — в бомбоубежище. Тебя, — он осторожно тронул тощенькое Валино плечо, — туда отнесут солдаты. Таков боевой приказ, понятно?

По кислым лицам ребят было видно: огорчены. В соседней комнате завозились, зашумели притихшие было девчата. «Подкормим, подлечим». Уже подкормили и подлечили. Тренаж нужен и первый концерт! На армейском

слёте сандружинниц, который будет через три дня!

— Быстрые! — сказал генерал. — Прямо завидно.

Глаза его зорко оглядывали ребят. Да, это было бы отлично — украсить концерт хоть одним танцем — перед женщинами, которым завтра снова в огонь, спасти раненых, может быть, умирать самим. Эта беспримерная битва, требовавшая напряжения всех сил осаждённого города, требовала и поддерживать их. Недаром Шостакович пишет свою Седьмую симфонию и в городе работает блокадный театр... Искусство нынче — тоже в бою.

— Выступать запрещаю, — сказал генерал. — Обойдёмся без танцев. Тоже мне — энтузиасты!

И быстро ушёл, невесело горбясь, всей спиной ощущая сердитые взгляды мальчишек.

Тогда ребята устроили военный совет, и девчонки, выскокившие из-за перегородки, оказались непримиримее всех. Три дня они заискивали перед врачом, хвастались своей нормальной температурой, с восторгом глотали лекарства и по утрам обязательно выстраивались на зарядку.

Обрант всё же начал лёгкий тренаж: видел, что это на пользу ребятам, воспрянувшим духом, стряхивающим с себя лень и апатию. И генерал после очередного медосмотра разрешил четверым из шести исполнить в концерте один танец.

Вечер, как обычно, располагал чёрное небо лучами

Так плясали ребята ансамбля под открытым небом, в двух шагах от передовой. Слева направо: Володя Иванов, Мирза Аваков, Феликс Морель, Геннадий Корневский.

прожекторов. А здесь, в школьном зале с плотно завешенными окнами, мерцали керосиновые фонари, и их неверный, но тёплый свет отодвигал войну куда-то вдаль, оставляя перед женщинами, сидевшими на скамьях, только радостное озерцо сцены.

Ребятам надо было подгримироваться, а грима не было. Узнав об этом, кто-то из зрительниц передал в комнату к танцорам последнюю свою драгоценность — кусочек губной помады. И Нелли Раудсепп подрумянила бледные щёки, чтоб не казались они зелёными, и мальчишки тоже подрумянились, чтобы выглядеть совсем здоровяками.

Когда грянул оркестр и в вихре гопака на сцену вылетели четверо, зал встал — и так, аплодируя, принимал дворцовских ребят. О, они умели танцевать, эти мальчишки и девчонки, выученные ещё до войны Обрантом и Варшавской, прошедшие школу первоклассной хореографии! И лишь сил, одних толь-

ко сил не хватило Генке Корневскому. Он пошатнулся и растерянно увидел, что дощатый пол сцены уходит из-под ног. Нелли, задорно улыбаясь залу, поддержала его, но вдруг увидела серые пятна лиц, задёрнутые какой-то тусклой пеленой, и пошатнулась тоже...

Тогда в зале послышались рыдания. Уже был конец танца, и ребята, держась за руки, кланялись со сцены, а зал плакал. Потому что в нём сидели матери и сёстры, защитницы Ленинграда, умевшие под бомбами бинтовать бойцу развороченный снарядом живот и выцеливать врага из винтовки, но неспособные лишь к одному: спокойно смотреть, как война прикоснулась к детям.

Генерал приказал дать занавес. Прошёл за сцену. С минуту смотрел, как четверо, вытянувшись перед ним, изо всей мочи хранят на лицах бравое выражение.

— Вольно, — сказал генерал. — Молодцы и без этого. Дайте я вас поцелую. А теперь — в машину.

— Куда едем? — деловито спросил Феликс.

— Разумеется, на гастроли, — сказал генерал.

И велел отвезти новичков агитвзвода в госпиталь — на два месяца для отдыха и полного излечения.

НА ВОЙНЕ ВСЕГДА ОПАСНО

55-я армия заслонила собой Ленинград со стороны Колпины. Здесь фашисты рвались к городу совсем уж свирепо. Полки, напряжив мускулы, сдерживали этот бешеный натиск, и шестеро юных артистов, оказавшихся во фронтовом госпитале, тоже не хотели сидеть сложа руки. Уже на исходе первого месяца они стали выступать прямо в палатах, в проходе между койками.

Порой приезжал генерал. Тогда ребята снова чинно располагались по кроватям. Начальник политотдела грозил пальцем, о чём-то долго совещался с врачом и Обрантом. Потом уезжал на передовую.

Наконец случились сразу две радости. Приехала Варшавская и сообщила, что в мае Дворец всё-таки открывается. Вторую радость принёс Обрант:

— Всё! Выписываемся, дру-

зья! Начинаем нормальные репетиции и концерты!

И начались нормальные репетиции и концерты.

Ночь зажгла в небе ещё повесенному холодные звёзды. Грузовик с ребятами пыхтит у политотдельских дверей. И попятилась назад невидимая в темноте дорога. А шофёр осторожничают, то и дело выходит из кабины проверять путь.

— Вояка! — злится Генька. — Везёт нас как молоко — боится расплескать!

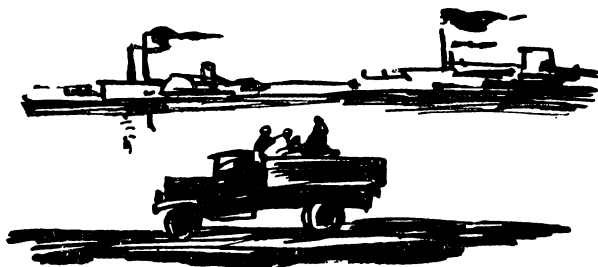
Вдруг впереди — взрыв... Ещё один.

— Приехали, — говорит шофёр. — Дальше придётся пешком.

Идут. Рядом шагают офицер политотдела и Обрант. И шофёр шагает рядом, хотя мог бы подождать ребят в любом укрытии.

— Ну, как? — шепчет Феликс Геньке. — Не вояка?..

Их берегли, как могли. Танцевать приходилось всюду — на платформах бронепоездов, на сдвинутых, с откинутыми бортами автомашинах, на лесной утопанной поляне. И каждый раз устроители концерта делали всё, чтобы спрятать,

Захотелось ребятам сняться в генеральской машине. Все, конечно, в ней не поместились... Первый ряд (слева направо): Валя Клейман, Феликс Морель, Валя Штейн. Второй ряд (смотрят из дверцы): Нелли Раудсепп, Мирза Аваков, Вера Мефодьева. В окошке слева — Геннадий Кореневский.

Фото из личного архива А. Е. ОБРАНТА

сберечь ребят от вражеских глаз. Однажды даже заставили выступать под сводом громадной печи для обжига кирпичей — снаряду было не пробить этот свод. В другой раз командир части потребовал заменить яркие костюмы белорусского «крыжачка», чтобы не разглядели их сквозь деревья фашисты...

И всё-таки это была война, а на войне всегда опасно. Однажды Генька Кореневский и Вера Мефодьева, танцуя у танкистов в полковом клубе, были застигнуты огнем налётом. Домик зашатался, сопровождавший ребят старшина Симонов вытащил их наружу: «Ложись!» Он повалил их на землю и загородил спиной от снарядов, рвавшихся совсем рядом.

Их берегли и ими гордились. Как-то раз после бурной

украинской пляски подошёл усатый солдат-украинец, поднял на руки Нелли, сказал: «Диты мои...» И так стоял, глядя вверх притихших людей, словно видел вдали милую свою Украину...

«ТАЧАНКА»

Ранней весной в Ленинград прорвался партизанский обоз с продовольствием. Агитвзвод давал героям прорыва концерт. Танцевали ребята Обранта, пели певцы, джаз-оркестр поднимал над лесом мелодии, рождённые войной.

Обрант сидел на пеньке, глядел на бойцов, тесно окружавших поляну, и думал о том, что трижды был прав, утверждая недавно в политотделе: искусство танца тоже может и должно отразить геройский дух великой битвы,

Война пощадила берёзку... В перерыве между концертами сфотографировались здесь ребята-фронтовики.

бушующей под Ленинградом. Чтобы и сюжет и характеры маленького спектакля-пляски были этому близки.

И вот теперь перед партизанами исполнялся танец, на который вскоре обратили внимание лучшие мастера искусств Ленинграда.

...По ковыльной прозрачной степи мчится красноармейская тачанка. Рвутся бешеные кони, не смолкает в руках у пулеметчика «максим». «Ты лети с дороги, птица, зверь, с дороги уходи...» И уходит всё с дороги, и сабли сверкают над головами у будёновцев, и нет такой силы на свете, чтобы стала на пути у этой огненной атаки...

Композитор Листов написал свою знаменитую Песню о тачанке. Её воплотил в танец Обрант. И бывшие мальчишки и девчонки Дворца пионеров, теперь бойцы фронтового агит-

взвода, развернули легендарную колесницу далёкой гражданской войны перед лицом осаждённого фашистами Ленинграда.

Её показали вместе с другими номерами обрантовской танцевальной группы в Большом зале Филармонии, в мае сорок третьего года. Шёл отчётный концерт группы. Перед зданием Филармонии дымились зелёные фронтовые машины. Шофёры на чём свет стоит кляли войну, не пустившую их в зал, и читали приписку к афише: «В концерте участвуют народные артисты Союза...» Так ребята, пионеры, выступили рядом с прославленными мастерами искусств. Через несколько дней группа Обранта получила право именоваться молодёжно-танцевальным ансамблем Н-ской армии. Это было признание мастерства, которого добились пятнадцатилетние.

— Отлично! — сказали в поллитотделе. — Поздравляем! Но, между прочим, предлагаем всем вам окончить среднюю школу. Нельзя расти неучами, не так ли?

И ансамбль стал заниматься в заочной школе. Ездили на занятия через весь город с учебниками и тетрадями, от которых успели отвыкнуть. Тогда же стали вести дневник и выпускать свой рукописный комсомольский орган «Тачанка». Потому что к той поре бывшие пионеры стали комсомольцами. И, пожалуй, самой яркой записью в дневнике и в «Тачанке» был отчёт

о поездке в Москву, на Третий антифашистский съезд молодёжи.

Они вышли на сцену Колонного зала Дома Союзов, и на солдатских гимнастёрках у каждого горела только что полученная медаль «За оборону Ленинграда».

Щурясь под ярким светом юпитеров, они растерянно слушали всё нараставшую овацию. И не сразу поняли, отчего люди вдруг вскочили со своих мест, тянут к ним руки, что-то кричат. А когда расслышали: «Ленинград! Ленинград!» — стало ясно, что это овация городу, который выстоял, не упал перед врагом на колени и даже в чёрную ночь блокады сберёг самое прекрасное, что есть на свете, — юность и искусство...

В тот вечер ребятам Обранта не хватало для полного счастья разве лишь вот чего: не было с ними в Москве одной из лучших солисток ансамбля Вали Сулейкиной.

ДЫМНЫЙ СЛЕД ОТ СОЛНЦА

Валя пришла в ансамбль чуть позже первой шестёрки. Ещё до войны девочка потеряла родителей. Блокаду бедовала вместе с тремя родственниками. Потом они умерли. Валя сидела в комнате и не знала, что делать.

Всё же она нашла в себе силы, пешком добралась на другой конец города, к заводу «Вулкан», где раньше работал её брат, воевавший сейчас на фронте. И теперь стояла у

Такой была Валя Сулейкина в 1942 году...

станка, точила детали для снарядов.

Она привыкла к одиночеству, умела ловко прятаться от бомбёжек, настигавших её по дороге на завод или с завода. И потом совсем не считала себя героем, когда через месяц ушла добровольцем на фронт.

Иногда, сидя в землянке, у аппарата, военная телефонистка Сулейкина вспоминала пионерский Дворец, ребят, Обранта... Где они? Ещё во Дворце ей говорили, что она способная танцовщица и, если постарается, станет настоящей балериной. Это была её мечта, совсем не поколебленная войной. Где же всё-таки сейчас Обрант и ребята?..

И вдруг по радио она услышала о концерте, который давал ансамбль. Получив увольнительную, Валя добралась до Рыбацкого.

Её не сразу узнали в подтянутом, лихом бойце с косичками, ловко упрятанными под пилотку. А узнав, кинулись обнимать:

— Валюшка! К нам?! Вот это здорово!

Обрант добился, чтобы солдата Сулейкину перевели в агитвзвод. Вот тогда она впервые за войну испугалась. Она отстала от ребят; по-прежнему лёгкая и гибкая, она всё-таки танцевала не так, как прежде. Предстоял тренаж и тренаж.

И она тренировалась, урывая часы от сна. Пока зала не было, репетиционную устроили прямо на улице, перед домом, где жили. Солдаты, шагавшие в ночной дозор, часто видели в полутьметанцующую перед домом девчонку. Случалось, вблизи грохал снаряд, тогда бойцы кричали на Валентину, но она, словно не услышав, продолжала своё.

Так догнала она остальных и теперь уже вместе со всеми ездила на концерты. А иногда после концерта грузовик отвозил ребят к дому, где жила мама Нелли Раудсепп. Гости рассаживались по своим любимым местам — у Вали таким местом в комнате был старенький сундучок, — вспоминали совсем недавнюю мирную пору и пели под гитару песню «Чёрные косы». Запевала Валя, потому что голос у неё был чистый и свежий. Песня была тихая, протяжная, не мешающая ни думать, ни мечтать...

Всё произошло ясным июльским полднем. В голубой вы-

си, до удивления мирной и ясной, сияло солнце. Птицы, словно совсем позабыв про войну, во всю ночь заливались среди редких уцелевших деревьев Рыбацкого. Валя вприпрыжку бежала по шпалам трамвайной колес — надо было забрать танцевальные костюмы из прачечной.

Отсюда, с улицы, было видно, как, попыхивая, к станции подошёл поезд. И оттого стало ещё радостней: городу теперь легче, пятаются от него фашисты, даже поезда начали ходить в Ленинград...

Первый снаряд упал рядом с поездом. Свиста второго Вали не расслышала. Просто почувствовала внезапную и острую тоску, увидела себя лежащей на шпалах, хотела подняться и не смогла.

Очнувшись, Валя увидела, как хлопочут возле неё врач и санитары. Обрант сидит рядом на вывороченной шпале. Тогда она потянулась к нему одними губами, спросила: «Как же я буду... теперь?..» Он молча взял её руки в свои и так, держа их крепко, не отпускал, пока раненую не положили в машину...

В операционной сквозь потухавшее сознание она расслышала слова врача: «Ампутировать»...

Она снова напрягла все силы и прошептала: «Не... хочу...» Врач наклонился к самому её уху, спросил: «У тебя есть родственники в Ленинграде? Отец? Мать?» Она зашевелила губами: «Говорите с Аркадием Ефимовичем...»

Обрант выступил вперёд и решительно сказал:

— На ампутацию не согласен. Запрещаю.

Он стоял, загородив Валентину, сжав кулаки, словно собирался с кем-то драться, от кого-то защищать свою ученицу.

Ногу ей спасли — почти не надеясь на чудо, совершили его. Но приговор врачей был беспощаден: ходить Валя будет, танцевать — никогда.

С той поры она осталась лежать на больничной койке надолго — на целый год. Раздробленное бедро, искалеченная голень заживали медленно. Закованная в панцирь из гипса, она лежала почти неподвижно, стараясь ни о чем не думать, не вспоминать и не жалеть.

ЧТО-ТО ВРОДЕ СОБРАНИЯ

— Скоро у неё день рождения, — сказала Валя Штейн. — Ты не реви, Нелька. Если все мы будем реветь... — И всхлинула тоже.

Ребята сидели в своём общежитии и обсуждали — чем же теперь помочь Вале Сулейкиной? Они видели многое. Они привыкли к войне. Но то, что произошло с Валею, было страшнее всего пережитого и виденного. Фашистский снаряд не просто ранил человека. Он убил его мечту.

— Скоро у Вали день рож-

дения, — повторил Геня Кореневский. — В палату нас не пускают. Но в этот день пустят, я думаю.

— Пустят, — сказал Обрант. — Я говорил с врачом. Но станет ли ей от этого легче?

Тогда Феликс Морель поднялся с места. Его звали Птахой — за то, что в танце обладал высоким, летящим прыжком. Но сейчас он стоял сгорбившись, словно тяжесть пригнула его плечи. И Валя Клейман встал, и Мирза Аваков — весёлый, смешливый парень, пришедший

в ансамбль почти в одно время с Валею. Мирза сейчас был грустен, он сказал за всех троих:

— Мы думаем, ей станет легче. Наверное, это не ахти какое счастье наблюдать наши физиономии. Но мы станцуем для неё... Всё же — день рождения.

Его перебили. «Танцевать?! Мирза с ума сошёл!» — кричали одни. «Он прав!» — кричали другие.

— Ти-хо! — сказал Геннадий. — У нас здесь получилось что-то вроде собрания, поэтому давайте порядок! Есть мнение: мы не с кисейной барышней имеем дело, а с фронтовиком. Небось когда в комсомол её принимали, каждый говорил: сильная, мужественная и всё прочее. Выходит, она сей-

час перестала быть такой?

Это была самая убедительная речь, произнесённая когда-либо комсоргом ансамбля, и все смолкли, удивившись: как же раньше об этом не подумали? Валя, вынесшая в жизни побольше многих, — раскисла, сдалась?..

— Всё не так просто, — сказал Обрант устало. Виски его запали, он казался совсем постаревшим. — Я тоже за то, чтобы отпраздновать день рождения Вали. И в политотделе — за то, и во Дворце тоже. Но, — он обвёл всех взглядом, — тут каждый должен понимать, как всё серьёзно.

Это было сказано тоже убедительно. И поэтому в день рождения Вали они ехали в госпиталь с тяжёлым сердцем.

ПРАЗДНИК

В то утро Валя проснулась рано. Рядом на стуле лежал букет цветов. Покосившись на соседок — никто не шелохнулся, наверно, спали, — Валя испугавшими пальцами тронула лепесток, яркий и нежный. Потом посмотрела в окно. Там разгорался рассвет, капли только что прошедшего дождя, прилипнув к стёклам, сверкали в первых солнечных лучах.

Она отвернула голову к стене — так привыкла лежать целыми днями. Но тут услышала тихий шёпот, смех, и вся палата, как по команде, закричала:

— С днём рож-день-я!
С днём рож-день-я!

Это было как в школе, до войны. Только вместо парт здесь стояли больничные койки, а вместо девочек шумели взрослые женщины в бинтах и перевязках.

Потом Валью поздравляли медсёстры, санитарки, дежурный врач. Пришёл начальник госпиталя, за ним внесли огромный торт. А букетик на тумбочке уже утонул в ворохе других цветов: политотдельские офицеры, подойдя к Валиной койке и почтительно откозыряв, клали рядом всё новые букеты. Приехал генерал. Расцеловав Валью в обе щеки, хитро глянул в глаза, даже подмигнул, словно суля совсем уж невиданный сюрприз. И тут из-за его спины выступила Варшавская, а за ней в палату вкатилась куча мальчишек и девочек в пионерских галстуках. Крохотный барабанщик лихо грянул дробь, но, опомнившись, спрятался за спину генерала...

Всё вокруг было весело, празднично, светло. Вале на минутку показалось, что война где-то совсем далеко-далеко и всё, что произошло там, в Рыбацком, вблизи от гудящего паровоза, — сон, нелепое наваждение... Она даже попробовала шевельнуть ногой. Но мгновенно в боку возникла расплавленная капля, покати-лась к колену, выжигая себе путь... Валя, пересилив боль, всё же не застонала. Зачем было портить настроение этим пришедшим к ней в гости людям?

Агитвзвод приехал к вечеру.

Быстрым шагом в палату вошёл Обрант. Поздравив Валю, сказал просто:

— Там ребята просят тебя помочь им гримироваться. Врач разрешил.

Она не успела ответить. Два дюжих санитаря бережно подняли раненую и переложили на каталку. Валя ошеломлённо опустила голову на подушку. Каталку повезли.

В комнатке, отведённой под гримировальную, была обычная предконцертная суета. Завидев Валю, танцоры кинулись к ней. Тут кто-то развёл мехи аккордеона, и Мирза Аваков закричал, что в честь такого дня он споёт «Чёрные косы». Девчонки испугались: у Мирзы ломался голос, и прежде далеко не оперный. Тогда Валя, сама удивляясь себе, запела — сперва неуверенно, потом всё громче и громче. Ей подпевали, а допев, хотели качать новорождённую вместе с каталкой, да одумались: Обрант посулил всему ансамблю гауптвахту. Валя смеялась, потому что знала: всё это шутки, и ребята хотят, чтобы ей было весело.

Потом она поправляла причёску Нелли, застегивала Феликсу пуговицы на украинской рубашке, гримировала Геньку.

Перед концертом каталку с Валею поставили в госпитальном зале возле сцены. Над рядами погас свет. И в наступившей полутьме Валя вдруг почувствовала такое отчаяние и тоску, какие бывали у неё разве лишь в самые первые дни после ранения. Пла-

кать ей не хотелось, но и смотреть на сцену не могла... А там уже появился ведущий.

— Товарищи! — сказал он. — Мы начинаем концерт, посвящённый бойцу нашего агитвзвода, танцовщице Валентине Сулейкиной. Вы её знаете, она не раз выступала перед вами — под огнём, на передовой. А сейчас лежит здесь, тяжело раненная. И сегодня у неё день рождения. Поздравим её, друзья!

Зал захлопал. Бойцы поднимались со своих мест, чтобы получше разглядеть Валентину. И пока она собиралась с духом, чтобы благодарно улыбнуться людям, так доброму глядевшим на неё, грянул оркестр: «Ты лети с дороги, птица...»

Словно ветер прошёлся по залу, когда ринулась на сцену первая ребячья «тачанка». Сабли молниями взвились к небу. Молодой пулемётчик, содрогаясь от гнева, рассёк свинцом вражескую цепь...

В этот миг за окном ударила зенитка. К ней присоединились другие. Вскоре всё слилось в ровный, могучий гул заградительного огня, стеной поднявшегося над фронтом. А здесь, на сцене, будёновская конница устремилась им вдогонку, звонкие трубы возвестили об этом земле. И земля, радуясь близкой победе, громко твердила Вале: «Смотри, слушай, запоминай!.. Это не зря — всё, что было с тобой. Это не зря — всё, что будет. Ты всегда должна быть рядом с людьми. Даже неподвижная,

ты в бою. Всегда! Пони-
маешь?»

Она привстала, слушая это.
А за окном грохотали зенитки,
и песенная конница на сцене
рвалась вперёд и вперёд.

И БУДЕТ ЖИТЬ ВСЕГДА!

Концерт продолжался дол-
го. Уже стих бой за окнами,
уже Валя Штейн выстукивала
каблучками неугомонную «цы-
ганочку» и ма-
тросские клё-
ши, лихо под-
метавшие сце-
ну, уступили
место наряд-
ным плащам
тёмнооких ка-
бальеро, — а за

кулисами готовились к выходу
всё новые и новые участники.
Теперь Валя волновалась за
ребят, она кричала вместе
с залом «бис!», аплодировала
до боли в ладонях... После
концерта её отвезли в палату
совсем обессиленную.

Ребята, переодевшись, сно-
ва собрались возле её кроват-
ти. Пили чай, жевали пироги,
угощали остальных раненых.
Тихонько, чтобы никому не ме-
шать, говорили о жизни, о
своих делах. Было решено,
что, подлечившись, Валентина,
конечно же, вернётся в ан-
самбль — будет помогать Об-

ранту в тренаже. Дворец рас-
тит новых красногалстучных
танцоров — Вале хватит хло-
пот и с ними.

— Потому что мы уже ста-
рики, — с важностью сказал
Генька Кореневский, — и пора
нам готовить смену.

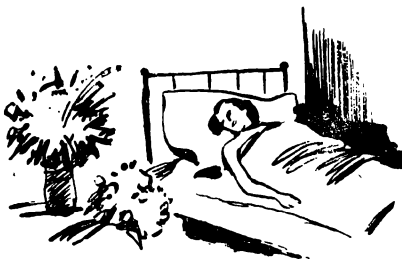
Они засмеялись, глядя на
совсем юные Генькины щёки.
Тогда Мирза Аваков сказал:

— Старики не старики, а на
войне — год за
три. Так солда-
ты говорят...
Бывалые.

Всё знали
солдаты - тан-
цоры. Лишь од-
ного они незна-
ли в тот вечер:

через полгода Валя Сулейкина
будет награждена орденом
Красной Звезды, а чуть позже
и они сами, и Обрант получат
боевые награды.

Они пили чай, жевали пиро-
ги, вспоминали о прошлом и
мечтали о будущем. Когда де-
журный врач, заглянув в па-
лату, намекнул, что пора ухо-
дить, послушно, на цыпочках,
вышли. На улице, синей от
ранних ноябрьских замороз-
ков, мёрз грузовик. Уселись
в его кузов, прижались тесно,
плечом к плечу, и так понес-
лись сквозь ночь — по городу,
по берегу Невы, легко и сво-
бодно катившей свои волны...

★
В НЕБОЛЬШОМ городке Гадяч, что на Полтавщине, живёт инвалид Великой Отечественной войны старший лейтенант в отставке Василий Тимофеевич Егоров. Его знают многие жители города. Но мало кому известно, что этот худощавый, среднего роста, с тёплым взглядом и мягкой улыбкой человек был в годы войны знаменитым снайпером, грозой, немецко-фашистских захватчиков.

★
 Слава о героических делах командира снайперского взвода 1230-го полка 370-й стрелковой дивизии гремела по всему Северо-Западному фронту. Знали Егорова и враги. На своей шкуре испытали они меткость его глаза и твёрдость руки. Лучших своих снайперов посылали они против старшего лейтенанта Егорова — безрезультатно. Даже переманить его пытались на свою сторону. По радио, в листовках, через рупоры они сулили ему высокий офицерский чин, золотые горы. На все их посулы снайпер отвечал новыми меткими выстрелами.

375 отправленных на тот свет гитлеровцев, десяток взятых «языков» составляют боевой счёт этого отважного и мужественного человека.

Шесть тяжёлых ран в теле Василия Егорова. И каждый раз после непродолжительного лечения в госпитале он возвращался в полк и продолжал громить фашистских захватчиков. Последнее ранение было особенно тяжёлым, и врачи, несмотря на просьбы Егорова, не пустили его на фронт.

В годы войны Егоров был неистощим на выдумки. Об одной из них мне и хочется рассказать.

П О Р О С Ё Н О К

— Разрешите в недалёкий наш тыл отлучиться, — обратился лейтенант Егоров к комбату.

— Вы же только оттуда вернулись! — удивился комбат. — Что за срочная необходимость?

— Поросёнок нужен, товарищ комбат, — и Егоров перешёл почти что на шёпот.

— Что ж, не возражаю, — кивнул наконец комбат. — Но где вы его достанете?

— Знаю место, где водится. У одной старушки заметил. Думаю, что уступит.

— Тогда желаю успеха!

Утром Егоров был уже в деревне. В дверях хаты появилась высокая седая женщина.

— Здравствуйте, бабушка! — козырнул Егоров.

— Здравствуй, здравствуй, каса-

тик! — оглядывая пришедшего подслеповатыми глазами, поклонилась старуха. — Что скажешь?

— По делу, бабуся.

— Рассказывай, чего надобно.

Егоров помялся, не зная, как лучше подступиться к хозяйке, потом решил говорить в открытую:

— Уступи мне, бабушка, твоего поросёнка.

— Какого поросёнка? — насто-рожилась старуха. — Нет у меня, батюшка, никакой живности.

— Есть, бабуся, есть! Намедни, когда проезжал вашу деревню, в сених видел.

— У, глазастый, чтоб ты споткнулся! Всё равно не дам!

— Так я же не даром, — сказал Егоров и вытащил из вещевого мешка собранные во взводе для этой цели продукты. На крыльце

появилось несколько банок тушёнки, три буханки хлеба, десяток пачек супа-гороха и увесистый мешочек сахара. — Возьми, бабуся, если мало — добавлю.

— Не надо, — мельком взглянув на разложенные продукты, отрезала бабушка. — Сказано не дам, и всё тут.

Егоров решил сменить тактику.

— Может быть, бабуся, всё же на пару дней одолжишь поросёночка? Не беспокойся, я тебе его в целости верну. А за пользование возьми эти продукты.

Старуха снова насторожилась:

— Чего как банный лист пристал? Ишь чего захотел! Не проси! Никуда боровка со двора не пушу!

— Жаль, бабуся, а мы на тебя так рассчитывали!

— Кто это мы? — уставилась на Егорова женщина.

— Я и мои товарищи, — тихо ответил Егоров. — Не для пирушки, бабуся, твой поросёнок нам нужен, а для дела.

— Для какого такого дела мой поросёнок вам понадобился?

— Для святого, для уничтожения наших врагов, бабуся! — И Егоров поведал, зачем нужен поросёнок.

Лицо старухи постепенно меняло выражение: исчезли суровые складки у рта, у глаз густели морщинки. Выслушав до конца, она, тяжело вздохнув, стащила с печки полотняный мешок и пошла в сени. Через несколько минут вернулась, неся в мешке поросёнка.

— Возьми, — осторожно передавая Егорову мешок с драгоценным грузом, сказала она. — Бог поможет твоим затеям!

Вернувшись в часть, Егоров собрал снайперов и ещё раз обсудил план действий. Наутро, когда рассеялся туман, они уже были в засаде, возле тропинки, идущей от немецких окопов к занятой ими деревне. Егоров вытащил из кармана тонкую крепкую верёвку, привязал

один конец к задней ноге поросёнка, второй намотал на левую руку. Затем, ударив тихонько хворостинкой, пустил поросёнка по тропинке. Почув свободу, тот побежал. Когда поросёнок приблизился к фашистским позициям, Егоров натянул верёвку, и поросёнок остановился. Пытаясь вырваться из плена, он кинулся сперва влево, потом вправо, но веревка крепко держала его, и он отчаянно завизжал.

Этот свинячий крик чудесной музыкой прозвучал в ушах сидевших в окопах оккупантов, затронул тончайшие струны в сердцах любителей поросятины. Сразу из окопа высунулся полнолицый рыжий гитлеровец. Увидя недалеко от себя живого поросёнка, он подпрыгнул от радости и стал манить его к себе. Не откликаясь на зов, поросёнок продолжал метаться и визжать. Фашист по пояс вылез из окопа и стал ловить непослушное животное. Но безуспешно.

Снайпер Клейманов навёл винтовку на любителя поросятины, но Егоров предупредил:

— Не стрелять! Сейчас другие появятся.

Действительно, вскоре из траншеи показалась голова ещё одного фашиста. Затем — третья, четвёртая. Позабыв всякую осторожность, они наблюдали за поединком полнолицего с поросёнком, громко давая советы, как ему действовать.

К месту происшествия поспешили другие гитлеровцы. Когда из траншеи высунулось восемь фашистских голов — по одному на каждого сидевшего в засаде снайпера, — Егоров приказал открыть огонь и первый выстрелил в рыжего. Пуля угодила в лоб фашиста, и он навечно застыл на месте.

Не отстали в меткости стрельбы и ученики Егорова. Через минуту Гитлер не досчитался восьми своих вояк.

В. ФАРБЕРОВ,
полковник в отставке

Мальчишка с собакой

И объяснил ему, что драться они будут вечером, у поваленной берёзы. Мы с ним забрались на крышу, и я показал ему берёзу. Она издали видна. Одна половина из земли торчит, а другая рядом валяется. Ещё весной молния ударила в берёзу.

— Не забудь, — сказал я. — Вечером.

— Ладно, — сказал он. — Приду.

Я уже закрыл за собой калитку и вдруг неожиданно для себя сказал:

— Ты учти: Мишка левша...

— Левша? — рассеянно переспросил он.

Зачем я это ему сказал? Левая рука Мишку не раз в драках выручала. В самый неожиданный момент он наносил сокрушительный удар левой, и противник начинал размазывать кровь по лицу.

ОНИ награждали друг друга оплеухами и тумаками, а я сидел на поваленной берёзе и грыз сизую турнепсину. Дрались они хорошо, попусту не суетились, не хватили друг друга за волосы и не царапались. Приятно было смотреть на них. Мишка что-то бурчал под нос, а Женя дрался молча. Паренёк он был

крепкий, и мой друг только кряхтел, получая удары.

Мне показалось, что у оврага зашевелились кусты и вроде бы мелькнуло что-то. Но я сразу же об этом забыл, увидев, как Мишка слева заехал Жене в губу; правда, в ответ он тут же получил сильный удар по скуле...

Услышав вдалеке знакомый басистый лай, я оглянулся: по турнепсовому полю, напрямик от деревни чёрным клубком летел к нам Орион. А за ним, не спеша, шагала по тропинке Наташка.

— Орион! — завопил я, сообразив, что дело может плохо для Мишки обернуться.

Они сразу перестали драться и стали смотреть на приближающегося Ориона.

— Не вздумай замахнуться, — сказал Женя. — Разорвёт!

Орион с ходу бросился к нему на грудь. Облизал лицо и, радостно повизгивая, стал прыгать вокруг. Мишка стоял руки по швам и не шевелился.

— Неужели, чертяка, окно выбил? — сказал Женя. — Он может.

Подошла Наташка. В зубах зелёная травинка. Она что-то напевала.

— Чего вы здесь делаете? — спросила она. А глаза хитрющие.

— Тебя ждём, — сказал я. — Что, думаем, Наташка не идёт?

— Как он оттуда вырвался? — сказал Женья. — Я обе двери закрыл.

— Это ты про собаку? — спросила Наташка. — Иду мимо случайно, слышу, Орион лает и на окна бросается... Ну, я и выпустила.

— Понятно, — мрачно сказал Мишка.

Я подозрительно посмотрел на Наташку: уж не её ли это платье мелькнуло в кустах?

— А случайно ты в ольшанике у оврага не сидела? — спросил я.

— У какого оврага? — сделала Наташка большие глаза.

Это, конечно, её работа. Впрочем, я не стал разоблачать Наташку. Я был с самого начала против этой дурацкой драки. Мне этот чудной парень с собакой нравился. С ним интересно поговорить. Знает про собак, про звёзды, Луну. И первый никого не задирает. Мишка на него злится, так это из-за Наташки.

Я посмотрел на них: хороши красавчики! У Жени губа разбита и нос стал вдвое толще, а у Мишки скула распухла и один глаз уменьшился. Женья облизывал разбитую губу, сплёвывал красноватую слюну и гладил Ориона. Мишка всё время отворачивался в сторону, чтобы Наташка не заметила, какой он стал урод.

Солнце спустилось за синюю-синюю тучу. На деревню ползли пышные розоватые облака. Говорят, когда солнце

опускается за тучу, будет дождь. Скорее бы, а то надоело огород поливать. И потом охота по лужам побегать! Я люблю, когда дождь. Речка вспухнет, становится мутной, а по дорогам и тропинкам в овраг скатываются ручьи.

— Смотрите, спутник полетел, — сказал Женья.

Я уставился в небо, но, кроме нескольких тусклых звёзд, ничего не увидел.

— У меня есть подозрительная труба, — сказал он. — В неё все спутники видны.

— Какие спутники? — удивился я.

— Их штук сорок летает, — объяснил Женья. — Просто люди на них не обращают внимания...

МЫ вчетвером сидим на крыше тёти-Марьиного дома и по очереди смотрим в подозрительную трубу. Крыша крутая, и нужно всё время быть начеку, а то, чего доброго, съедешь по замшелой дранке и сверзишься прямо в сад. Внизу носится Орион и скулит. Он хочет к нам, на крышу. Тёти Марьи дома нет. Она с бригадой на сенокосе. Вернётся завтра к обеду.

Длинная выдвижная труба установлена на треногу. В окуляр видны яркие звёзды и маленькие блестящие спутники. Их действительно много на небе. Они появляются у кромки леса, мерцают, как звезда, двигаются по тёмному небу и постепенно теряются среди других звёзд. Иногда рядом летят сразу два спутника.

— Вот этот — «Космос-десять», а это — последняя ступень американской ракеты «Агена»... — объяснял Женья.

— Откуда ты знаешь? — не выдержал Мишка.

— Я каждый день смотрю, — сказал Женья. — У меня составлен график полёта всех действующих спутников Земли... Хотите, покажу?

— А как эта звезда называется? — спросила Наташка. Она смотрела в трубу и пальцем показывала на небо.

— Рядом с Большой Медведицей? — спросил Женья.

— Нет, Медведицу я знаю... Ну вот эта яркая, а рядом ещё три.

— Это созвездие Волосы Вероники.

— Волосы Вероники... — шёпотом повторила Наташка. — Какое красивое название.

— А это что за звезда? — небрежно ткнул Мишка пальцем в небо.

— Марс, — сказал Женья. — Планета.

— Верно, — сказал Мишка.

— А это? — спросил и я.

— Гончие Псы...

Я только диву давался: откуда он всё знает? И Мишка перестал задираться. Глаз у него почти совсем закрылся, так что ему удобно смотреть в трубу, не нужно прищуривать-

ся. Это всегда так: после драки отношения начинают налаживаться. Наша дружба с Мишкой тоже началась с драки.

Мы долго сидели на крыше, рядом с печной трубой. Ориону надоело лаять, и он улёгся на тропинке и морду положил на лапы. Когда он поднимал голову, чтобы посмотреть на нас, глаза его вспыхивали красноватым светом. Женя рассказывал про звёзды и показывал их нам. Жалко, что облака закрыли полнеба.

Наташка смотрела Жене в рот. И глаза у неё мерцали, как эти далёкие звёзды. А Женя, наоборот, отворачивался от неё и смотрел на Мишку. И я чувствовал, что всё это он рассказывает для Мишки. Наверное, и Мишка это понял и перестал волком смотреть на Женю.

Когда мы спустились вниз, тучи закрыли всё небо. Стало темно, в саду зашумели яблоны. Орион подбежал к нам и всем по очереди положил толстые лапы на плечи. Так он выражал свою радость и дружелюбие. Над лесом, далеко-далеко полыхнула молния.

— Ура! — сказал Мишка. — Будет дождь!

— Космонавты в дождь не стартуют, — сказал Женя, глядя на небо. — Здесь может идти дождь, а там... звёздное небо. Может быть, сейчас космонавт на лифте поднимается в ракету... Четыре, три, два, один... Старт!

— Разве они на лифте поднимаются? — спросил Мишка.

— Знаешь, какая ракета огромная? Как башня! Попробуй заберись без лифта!

Орион зарычал и подбежал к калитке. Там замаячила чья-то тень.

— Я её ищу, давно пора ужинать, а она вон где околачивается! — слышался женский голос. Это Наташкина мать.

— Спокойной ночи, — сказала Наташка и метнулась к калитке.

Мы ещё немного постояли и тоже пошли. Женя проводил нас.

— Я проиграл американку, — сказал Мишка. — У меня есть охотничий нож с костяной рукояткой... Хочешь?

Этот нож Мишке подарил отец. Когда они вместе уходили на охоту, Мишка прикреплял нож к поясу и гордо шествовал по деревне. Я знал, что этот нож — самая большая Мишкина ценность.

Женя улыбнулся и покачал головой.

— Чего же ты хочешь? — спросил Мишка.

— Кто такая ропуха? — спросил Женя. — Я у всех спрашивал... Никто не знает, что такое ропуха...

— Жаба, — сказал Мишка. — Обыкновенная жаба...

И расхохотался, а за ним и мы.

ТРИ дня Женя не выходил из дому. Три утра подряд он не ездил на велосипеде на станцию и не читал газет. Орион, распластавшись, лежал на крыльце и никого, кроме тёти

Марьи, не пропускал в дом. Наташка специально сбегала в поле и спросила у тётки Марьи, что случилось. Почему Женя сидит дома и никуда не выходит?

— Лежит, — смеясь, сказала тётка Марья. — На полу, родимый, лежит...

— Заболел? — спросила Наташка.

— Это у него... гипо... анемия какая-то...

И ещё пуще засмеялась.

Мы ломали головы: что же это за болезнь? И потом, почему на полу лежит? И уж совсем непонятно: человек заболел, а тётке Марье смешно!

Мы подходили к изгороди и свистели. Орион поднимал голову и сочувственно смотрел на нас. Но Женя не откликался. И даже в окно ни разу не выглянул. Тогда мы решили без приглашения пойти к нему. Но лишь открыли калитку, как с крыльца поднялся Орион и, подойдя к нам, загородил дорогу. Когда Наташка попыталась обойти его, Орион приподнял чёрную губу и показал большие белые клыки. Делать было нечего, и мы отступили.

И тогда Мишке пришла в голову идея.

— На чердаке есть окошко, — сказал он. — И без стекла... Попробуем?

— А я как же? — спросила Наташка.

— Ориона отвлекая, — сказал я. — Дёргай всё время калитку...

Мы обошли дом и перелезли через изгородь. По брёвнам, прислонённым к углу дома,

вскарабкались на крышу. Сначала Мишка, потом я. А дальше было не так уж трудно, — окошко широкое, и мы без особых хлопот оказались на чердаке. Спустились по лестнице в тёмный коридор, и вот мы в комнате.

У окна тренога с подзорной трубой. К ней прикреплена газета, — это чтобы солнечные лучи не падали на пол, на котором лежал Женя и смотрел на белый потолок. Он лежал на голых крашеных досках, и под головой была подложена толстая книжка в коричневом переплёте. Рядом, чтобы рукой можно было достать, стоял ковш с водой, на газете полбуханки хлеба, начатая банка рыбных консервов и несколько картофелин в мундире. И будильник.

Он не удивился нашему приходу, всё так же лежал и смотрел в потолок. Над ним кружились большие синие мухи, которые залетали в открытую форточку.

— У тебя с позвоночником что-нибудь? — спросил Мишка.

Я вспомнил, как он прыгал с крыши. Допрыгался...

— Нога? — спросил я.

Женя посмотрел на нас и улыбнулся.

— Я не могу встать... — сказал он.

— Поможем! — подскочил Мишка, но Женя покачал головой.

— Я встану... — он повернул голову и взглянул на будильник, — я встану через четыре часа сорок одну минуту...

Мишка посмотрел на меня и

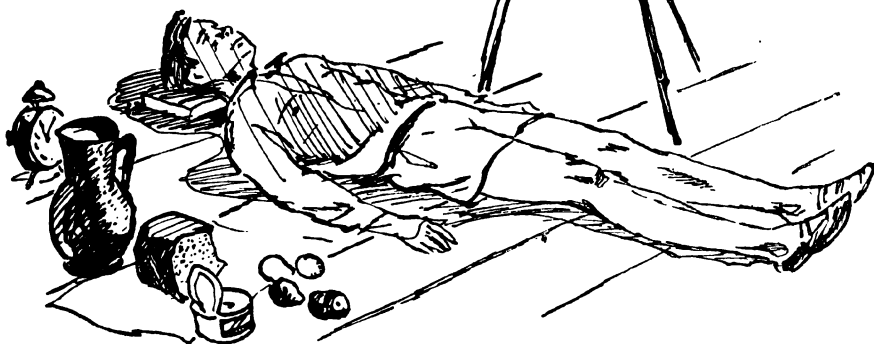
дотронулся до виска, — дер-
гать, малый чокнулся...

— В углу спиннинг, а на
столе коробка с блёснами, —
сказал Женья. — Забирайте
и — на речку... Эх, выкупать-
ся бы!

Он отмахнулся от нахалки
мухи, которая норвила усесть-
ся ему на кончик носа, и, при-
подняв голову, отпил из ков-
ша. Отпил и поморщился: тёп-
лая вода.

— Три дня так и лежишь на
полу? — спросил я.

— Три дня, — сказал Же-
ня. — Это чепуха... А как же
они? Неделями лежат вот так,
не двигаясь, а потом сразу на
центрифугу... А в барокамере?
Шестьдесят дней!

И тут только я сообразил,
что это тоже тренировка!
Мишка разглядывал на стене
фотографии, приколотые кноп-
ками. Их было много: все на-
ши космонавты. И незнакомые
лётчики в странных скафан-
драх. Один сидел на малень-
кой надувной лодочке, а кру-
гом море и вдали виднеется
пароход.

— А что такое гипо... ана-
мия? — спросил я.

— Гиподинамия... — засме-

ялся Женья. — Это когда чело-
век находится в состоянии
полной неподвижности...

— А-а, — сказал я.

— А может быть, вста-
нешь? — спросил Мишка.

Женья снова взглянул на бу-
дильник.

— Через четыре часа три-

дцать две минуты, — сказал
он.

— Ты что, в космонавты го-
товишься? — спросил Мишка.

— Я полечу на Марс или
Венеру, — сказал Женья. — На
Луну полетят не сегодня-зав-
тра... Луна — это наша стар-
товая площадка. Космические
корабли будут с Луны улетать
на другие планеты...

— И давно ты... трениру-
ешься? — спросил я.

— Второй год, — сказал

Женя. — Я был в Звёздном городке. Меня сначала не пускали, а потом пустили... Я им показал график движения спутников, который я целый месяц составлял.

— И Гагарина видел? — спросил Мишка.

— Он мне подарил вот эту фотографию, — сказал Женя. — Если хочешь, сними и прочитай на обратной стороне...

Но Мишка не стал снимать со стены фотографию. Он подошёл к стене и долго смотрел на Гагарина.

— А как вы попали сюда? — запоздало спросил Женя.

— Из космоса... — улыбнулся Мишка и показал пальцем на потолок.

Женя попросил меня вылить тёплую воду и принести из кадки свежей. Я принёс.

— И ни разу не встал? — спросил Мишка.

— Кого же я буду обманывать? — сказал Женя. — Себя, что ли?

— Ну, давай лежи, — сказал Мишка. — Сколько тебе осталось?

— Четыре часа шесть минут... — сказал Женя. — Последние часы ужасно долго тянутся!

Назад мы вышли через двор. Нужно было видеть изумлённую морду Ориона! Он растопырил уши и, растерянно мигая, смотрел на нас.

— Прошляпил? — сказал я

и, потрепав его по шее, вслед за Мишкой прошёл к калитке, где нас с нетерпением ждала Наташка. У неё даже одна ленточка в волосах развязалась.

— Ну что, за доктором бежать? — спросила она.

— Доктор не поможет, — сказал Мишка. — У него болезнь неизлечимая. Гипо... Как она называется?

— Ги-по-ди-на-мия, — с удовольствием произнёс я это незнакомое космическое слово.

— Я побегу в контору, — заволновалась Наташка. — Из района скорую помощь вызовут...

Она повернулась, чтобы бежать, но Мишка поймал её за руку.

— Пойдём на Чупрыкину мельницу шук пугать, — сказал он.

— Какие шуки, — чуть не плача сказала Наташка. — Человеку плохо, а вы... тут со своими шуками...

Мишка отпустил её руку и, помолчав, сказал:

— Не надо скорую помощь... Он поправится ровно через три часа пятьдесят пять минут...

Мишка сказал это спокойным, серьёзным голосом, и Наташка поверила. Она уселась на низкую скамейку, что возле забора, и положила руки на острые коленки, выглядывавшие из-под нового ситцевого платья горошком.

— Я буду ждать, — сказала она.

Из дневника Волго-Балта

—О—

ШТУРМАН ВЕСНЫ

Круглоголовый Снеговик
На крепком ладожском морозе
Пушистый поднял воротник
И в горделивой замер позе.
Он стуже друг, он выюгам друг!
Однако знают все вокруг,
Что шутниками он поставлен.
По стрелке компаса
на юг
Его морковный нос направлен!

ЗАНЯТНЫЕ МЕРКИ

Широкие мерки бывают,
Предела диковинам нет.
Неву молодой называют —
Ей только две тысячи лет.
Печальней Андрейкина мерка.
Парнишке двенадцатый год,
Но — старость не радость! —
Андрейка,
Кряхтя, на уроки идёт!

НА ТРАССЕ ГОЛУБОЙ

Сколько добрых встреч,
дивитесь,
Сколько красочных имён!
«Свирь». «Нептун». «Севрюга». «Витязь».
«Калевала». «Вьюга». «Дон».
«Буратино» с острым носом.
«Щука». «Чайка» и «Волна».
А к причалу крепким тросом
Пришвартована «Луна»!

ПО СВОЕМУ ХОТЕНЬЮ

Бориска долго ждал русалочку.
Проворно вынырнет со дна
И бодро-весело шаргалочку
Подаст из проруби она.
Дружил Бориска с липкой
ленью.
Зевал. Уроки не учил.
И вот по щучьему веленью
Четыре... двойки получил!

РЫБОЛОВ-НЕУДАЧНИК

*С рыбалки без рыбы домой
Пришёл он, конечно, не в духе:
— На озере плохо зимой —
Над лунками белые мухи!.. —
А летней дождался поры —
Прогнали домой комары!
Терзает печаль улыбу.
Успехи его не бодрят,
Приносит домой, говорят,
Он только солёную рыбу.*

САДКО

Страшно было в старину
Гусляру в былине
Направляться под волну
На концерт в пучине.
А теперь нырять легко.
Каждый скажет:
— Друг Садко,
Можешь взять у нас ты
Акваланг и ласты!

НЕВА — ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ

*Нева — единственная в мире,
Давно сроднилась слава с ней.
Конечно, реки есть и шире,
И полноводней, и длинней.
Есть — как застывшие озёра,
Иные с гор берут разбег.
На свете много-много рек,
И только на Неве — «Аврора»!*

МАТРОС

Овладела мечта пареньком
Круглолицым и звонкоголосым.
— Решено! Буду я речником,
Смелым, бравым, весёлым

матросом!

Но, чтоб было поменьше забот,
Пусть семья речнику помогает:
Мама вахту ночную несёт,
Утром бабушка палубу драит!

МЫ - ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

ПЬЕСА

Эпизод четвёртый

Несколько коротких бесед, при которых мы сейчас будем присутствовать, происходят в разное время. Между беседами — маленькие паузы, в течение которых сменяются действующие лица.

Беседа первая

Анна Ивановна и Олег Кузнецов сидят рядом за партой в пустом классе.

АННА ИВАНОВНА. Значит, мы договорились: разговор будет честный.

ОЛЕГ. А я всегда говорю честно. У нас все говорят честно. У нас класс самый честный. И самый умный...

АННА ИВАНОВНА. Постой, Кузя! Всё это я знаю. И самый весёлый... Вот это меня больше всего и беспокоит, что вы такие весёлые.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1967 г.

ОЛЕГ. Ну и что особенного, Анна Ивановна? Просто мы очень жизнерадостные.

АННА ИВАНОВНА. Не крутись, не крутись. Ты прекрасно знаешь, о чём я говорю.

ОЛЕГ. Ну, а чего особенного... Ничего такого и нет. Правда, Анна Ивановна! Вот если бы надо мной смеялись... Пускай. Чихал я на это дело. А они обижаются. Если бы они не обижались, то никто бы и не смеялся. А так — конечно будут смеяться. Тут нужно хладнокровие. Железную выдержку нужно иметь. Вот и всё.

АННА ИВАНОВНА. А у тебя есть железная выдержка?

ОЛЕГ. Конечно, есть.

АННА ИВАНОВНА. А у них нет. Тем более что это не просто смех, а самое настоящее издевательство.

ОЛЕГ. У ребят не бывает издева-

тельства. Это у взрослых бывает. А ребята просто смеются — и всё.

АННА ИВАНОВНА. А вот я бы на их месте тоже обиделась. Наверное, и у меня нет железной выдержки.

ОЛЕГ. Анна Ивановна, да мы над ними не издеваемся! Мы просто шутим. Ну и я шучу. Как все...

АННА ИВАНОВНА. И даже немного больше всех. Верно?

ОЛЕГ. Почему — больше?

АННА ИВАНОВНА. Поэтому, что в вашем весёлом классе ты — самый весёлый. Ведь это же ты придумал, чему равняется «а» плюс «б».

ОЛЕГ. Оно само придумалось. А я просто удержаться не мог.

АННА ИВАНОВНА. Рисунок на доске тоже сам появился? Я до сих пор жду автора. А он всё ещё не пришёл. Или, может быть, пришёл?

ОЛЕГ. А это и не я нарисовал. Я даже и не знаю — кто. А вы знаете?

АННА ИВАНОВНА (с сомнением). Да, выходит, что мы с тобой оба не знаем.

ОЛЕГ. Вы думаете — я? Почему это все учителя, как что случится, так сразу — Кузнецов? Как будто один я виноват!

АННА ИВАНОВНА. А действительно, почему все учителя думают, что без Кузнецова ни одна история не обходится? Если бы хоть один или два. А то — все.

ОЛЕГ. Не знаю, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Даже не догадываешься?

ОЛЕГ. Вообще-то догадываюсь.

АННА ИВАНОВНА. Почему?

ОЛЕГ. Потому что привыкли про меня говорить. А я, может быть, сто раз сделаю что-нибудь, а один раз не сделаю. И тогда всё равно про меня говорят. Вы тоже про меня думаете, что я рисовал, а я и не рисовал.

АННА ИВАНОВНА. А ты помнишь, что мы договорились — честно?

ОЛЕГ. Помню.

АННА ИВАНОВНА. Ну, раз это не ты — можешь идти.

ОЛЕГ (повеселев). А про какой секрет вы говорили, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. Я же тебе сказала, что секрет чужой.

ОЛЕГ. Ну, ладно, я пойду. Только знаете, Анна Ивановна, Мельникова сама виновата. Их уже совсем дразнить перестали, а она взяла и письмо написала в газету. Тогда над ними опять стали смеяться.

АННА ИВАНОВНА (изумлённо). Какое письмо?! О чём ты говоришь?

ОЛЕГ. Ну, такое письмо... В общем, про любовь. Что они друг друга любят и хотят вместе в космос полететь и что у нас в классе все ребята — дураки.

АННА ИВАНОВНА (в ещё большем изумлении). Какой космос? Кто тебе сказал про письмо?

ОЛЕГ. А вы разве не знаете? У нас все знают. Климов с ней даже разговаривать перестал.

Беседа вторая

В том же классе Анна Ивановна, рассказывая, слушает Вика и Лилу.

ВИКА. Ой, Анна Ивановна! Там про всё, про всё написано! Про весь класс. Что все мальчишки в нашем классе — дураки...

ЛИЛЯ. Ну и молодец — правильно написала.

ВИКА. Брось ты, Лилька. Ничего не правильно. У нас класс — самый дружный.

ЛИЛЯ. Я не говорю, что совсем правильно. Ну, вообще-то, правильно?

ВИКА (она торопится рассказать всё Анне Ивановне). Вообще-то — правильно. Там ещё, Анна Ивановна, написано, что они хотят в морскую школу поступить, а потом на Дальний Восток уехать...

ЛИЛЯ. Не в морскую, а в космонавтов.

ВИКА. Ну, сначала — в космонавтов, а потом — в морскую. И что Володя с ней дружить не хочет, а то бы она давно уехала. А теперь она не уедет, пока они не помирятся. И что он её ударил.

ЛИЛЯ. Она его ударила!

ВИКА. Он её ударил, а не она его.

ЛИЛЯ. Ты же сама говорила, что она его.

ВИКА. Нет, это ты говорила, что он её. И знаете, Анна Ивановна, она всё это написала и просила, чтобы в газете всё про нас напечатали, и что мы тоже все дураки.

АННА ИВАНОВНА (с отчаянием). Девочки, кто вам рассказал всю эту глупость?

ВИКА (убеждённо). Это не глупость. Это всё правда, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. Ну хорошо, кто рассказал вам эту правду?

ЛИЛЯ. Мне — Вика.

ВИКА. Мне — Лиля.

АННА ИВАНОВНА. Ну, а вам вместе, обeim, кто рассказал?

ВИКА. Никто. Это и так все знают.

АННА ИВАНОВНА. Но ведь сказал кто-то о письме первым! Понимаете, первым!

ВИКА. Наверное, я первая сказала.

АННА ИВАНОВНА. А ты от кого узнала?

ВИКА (с полным убеждением). От Лили!

АННА ИВАНОВНА. А ты, Лиля?

ЛИЛЯ (с полным убеждением). От Вики!

Беседа третья

Анна Ивановна и Игорёк в том же классе.

АННА ИВАНОВНА. Игорь, когда мы с тобой разговаривали в последний раз, — помнишь, ты приходил в учительскую? — мне показалось, что ты знаешь, кто нарисовал на доске этот рисунок. Это так или я ошиблась?

(Игорёк молчит.)

Ну что же — так или нет?

ИГОРЁК. Анна Ивановна, а что ему за это будет?

АННА ИВАНОВНА. Так, значит, это он, а не она?

ИГОРЁК (испуганно). Я не говорил, что это он, Анна Ивановна! Я просто спросил. Если бы я знал, я бы вам честно сказал! Даже при всём классе сказал бы, не побоялся. Это они думают, что я их боюсь. А я их не боюсь нисколько!

АННА ИВАНОВНА. Кого же ты не боишься?

ИГОРЁК. Кузнецова и Кукина!

АННА ИВАНОВНА. Так это, значит, Кузнецов! А с ним, конечно, и Кукин.

ИГОРЁК. Я не знаю, Анна Ивановна. Может — они, а может — и не они. Они мне про свои хулиганские выходки не рассказывают.

АННА ИВАНОВНА. Почему же ты о них вспомнил?

ИГОРЁК. Потому что Кузнецов дисциплину портит в классе. А Кукин тянет весь класс назад по успеваемости. Верно, Анна Ивановна? Наш класс по успеваемости — самый лучший в школе.

АННА ИВАНОВНА. Я начинаю думать, что не такой уж он хороший, ваш класс, как вы об этом говорите. И ты знаешь, что я собираюсь сделать? Я собираюсь сказать директору, что вы не заслуживаете путешествия по Карельскому перешейку.

ИГОРЁК. Но у нас же лучшая успеваемость!

АННА ИВАНОВНА. Это верно. Но это означает лишь то, что у вас

больше пятёрок, чем у остальных, и вовсе не значит, что вы лучше этих остальных. Если бы можно было ставить отметки за дружбу, вы получали бы одни двойки. Вот уже вторую неделю вы издеваетесь над своими товарищами! Вы смеётесь над Аней и Володей только за то, что они дружат! У тебя есть друг?

ИГОРЕК. Есть. Только он из другой школы.

АННА ИВАНОВНА. Почему ты с ним дружишь?

ИГОРЕК. Ну... он весёлый. С ним интересно играть. Разговаривать тоже интересно. Просто он мне нравится.

АННА ИВАНОВНА. А Володе просто нравится Аня. И ему тоже интересно с ней разговаривать. Что же здесь смешного?

ИГОРЕК. А это всё Кузнецов со своими шуточками. Он думает, что ужасно остроумный. А мы просто так: немного посмеялись, и всё. Я, например, над Кузнецовым смеялся, а не над ними. Я даже ему замечание сделал. Помните, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. А письмо в газету тоже просто так появилось? Вам известно, что Аня никакого письма не писала?

ИГОРЕК. А вы знаете, кто написал, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. А почему ты думаешь, что его вообще кто-то писал?

ИГОРЕК. Да все говорят... А вы знаете, кто написал, Анна Ивановна?

АННА ИВАНОВНА. Может быть — Кузнецов. Может быть — Лиля. Может быть — Вика. Может быть — Кукин. Может быть — ты?..

ИГОРЕК. Я?! Анна Ивановна, честное слово — не я! Самое честное пионерское слово, я ничего не писал!

АННА ИВАНОВНА. От кого ты узнал про письмо?

ИГОРЕК. Я? Да все говорили, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА. А кто тебе первым сказал?

ИГОРЕК. Мне? Кто же мне сказал? (Вспоминает.) Значит, я стоял вот так... А он стоял вот так... Вспомнил я! Кукин мне сказал, Анна Ивановна! Кукин!

Беседа четвёртая

Анна Ивановна сидит в пустом классе. Входит Кукин.

АННА ИВАНОВНА. Ты знаешь, Кукин, зачем я тебя вызвала?

КУКИН (тоном полной безнадёжности, который обычен для его разговора с Анной Ивановной). Я больше не буду, Анна Ивановна. Честное слово, больше не буду...

АННА ИВАНОВНА. Что ты не будешь?

КУКИН. Списывать.

Анна Ивановна с досадой взмахивает рукой, и мы понимаем, что на этом её беседа с Кукиным закончилась.

Эпизод пятый.

Тот же класс. Он пуст. В приоткрытую дверь просовывается голова Олега Кузнецова. Оглядевшись, он входит в класс, машет рукой, вызывая кого-то из коридора. За ним, крадучись, входят Кукин, Вика, Лиля и Игорьёк. Все в пальто. Каждому из них Олег делает предостерегающие знаки. Ребята рассаживаются на скамьи поближе друг к другу. Олег запирает дверь шваброй, которую принёс с собой.

ОЛЕГ (шёпотом). Тихо, вы! Нянечка услышит.

ИГОРЕК (шёпотом). Я говорил: не нужно сюда идти. Лучше было во дворе.

ОЛЕГ. Во дворе холодно. А потом — так даже интереснее. Представь себе, что ты шпион и тебе нужно прятаться. Представил? (Кукину.) Саня, ты представил себе, что он шпион?

КУКИН. Законно.

ИГОРЕК. Сам ты шпион.

ВИКА. Мальчишки, перестаньте ссориться. У нас же собрание про дружбу, а вы ругаетесь.

ОЛЕГ (иронически). Слыхал, Игорьёк? У нас собрание про дружбу, а ты ругаешься. Нехорошо, Игорьёк, затевать ссоры в родном классе.

ИГОРЕК. Если ты будешь паясничать, я уйду.

ЛИЛЯ. Мальчишки, вы перестанете ссориться? А то мы с Викой тоже уйдём. Верно, Вика?

Вика знаком показывает согласие.

ОЛЕГ. Ну, ладно. Давайте выберем председателя. Предлагаю себя. Кто «за»?

Олег первым поднимает руку, подталкивает Кукина под локоть. Поднимает руку и Кукин. За ним Вика и Лия. Игорёк тоже поднимает руку, но лишь для того, чтобы показать Олегу кукиш.

ОЛЕГ (Кукину).
Саня, отомсти!

Кукин без долгих размышлений хлопает Игорёчку по затылку. Игорёк вскакивает с грохотом. Все бросаются к нему, в том числе и Кукин, предостерегающе машут руками, шипят: «Тсс... тише».

ИГОРЁК. Я тебе это припомню, Кузнецов. И тебе, Кукин, запомню. (Садится.)

ОЛЕГ (вполголоса). Слово представляется мне. У нас — самый дружный класс. Я уже не говорю, что самый умный. Мы очень активные, очень внимательные, очень смелые и очень упорные. Правильно я говорю?

ОСТАЛЬНЫЕ (шёпотом). Правильно!

ОЛЕГ. Правильно! Это не только я говорю, а все говорят. У нас самая лучшая успеваемость. (Кукину). Саня, тебя это не касается.

КУКИН. Да иди ты от меня...

ОЛЕГ (не обращая внимания на реакцию Кукина). У нас есть даже круглые отличники. (Кивок в сторону Игорёчка.) Но я хочу сказать про Карельский перешеек. Там ловится вот такая рыба. (Показывает.) Там растут вот такие грибы. (Показывает.) И ещё бегают вот такие лоси с такими лосытами. (Показывает.) Они-то бегают, а мы бегать не будем. И костров разжигать не будем. И мы никогда не вернёмся домой загорелые и весёлые. (Олег всё более входит в роль. Теперь он говорит с

пафосом, вставляя в свою речь обороты, слышанные или читанные когда-то.) Дремучий лес не услышит наших звонких голосов. Никогда не пригодятся нам пионерская закалка и пионерская смекалка. Мы не будем дружно петь походные песни. Не будем переплывать бурные реки. (Вполне серьезно, даже с грустью.) Никуда мы, ребята, не поедem, вот что...

ВИКА и ЛИЛЯ (вместе). Почему?

ОЛЕГ. Так сказала Анна Ивановна. Верно, Игорёк?

ИГОРЁК (со злорадством). Конечно, верно.

КУКИН. А почему это мы не поедem?

ОЛЕГ. Игорёк сказал, что Анна Ивановна сказала: за то, что мы смеялись.

ИГОРЁК. Не за то, что смеялись, а за насмешки над Мельниковой и Климовым. За то, что вы над ними издеваетесь.

ОЛЕГ. А ты, что ли, не смеялся? Ты, может, первый смеялся.

ИГОРЁК. А кто первый начал? (Передразнивает.) «Пушкин говорил... Лермонтов говорил... любовь, любовь...» Мне-то всё равно. Я в по-

ход не пойду. В этом лесу клещей полно. А от этих клещей заразиться можно. Маме один врач говорил, знакомый: укусит клещ, а потом человек становится дурачком или сумасшедшим, потому что они разносят энцефалит.

ОЛЕГ. Тогда понятно.

ИГОРЕК. Чего понятно?

ОЛЕГ. Понятно, что тебя этот клещ уже укусил.

ИГОРЕК. Можешь острить сколько хочешь. Мне всё равно. Все знают, что ты первый начал. (Обращается к остальным ребятам.) А теперь из-за него поход отменят. Он больше всех виноват. (Со злорадством.) И Анна Ивановна так думает.

ОЛЕГ. А ты откуда знаешь, что она думает? Опять жаловаться ходил? (Кукину.) Саня, опять он жаловаться ходил. Что мы с ним сделаем, Саня?

КУКИН. Откуда я знаю.

ОЛЕГ. Может, побьём?

КУКИН. А чего... можно.

ИГОРЕК. А я теперь вас не боюсь!

ОЛЕГ (кивая на Игорьку). Саня, вперёд!

Кукин с угрожающим видом придвигается к Игорьку. Вика и Лиля бросаются к нему, отталкивают. И одновременно раздаётся истошный крик Игорька.

ИГОРЕК. Не боюсь! Понятно? Совсем не боюсь! Все знают, что Кузнецов виноват!

ВИКА (Олегу). А он правильно говорит. Ты же первый начал.

ОЛЕГ. Может, и ты жаловаться пойдёшь? Может, ты не дразнила?

ВИКА. Я никаких формул не придумывала.

ИГОРЕК. Не придумывала, а всё равно в поход не пойдёшь. (Кивок в сторону Кузнецова.) Из-за него все не пойдут. (С ехидством.) И ты, Кукин, не пойдёшь, хоть вы и друзья...

КУКИН (неожиданно для самого себя). А чего ты, Олег, ко всем пристаёшь? Чего ты меня дразнишь, будто меня не касается?

ЛИЛЯ. Он вообще много воображает...

ОЛЕГ. Ну, ладно. Я могу и помолчать. Я хотел вас спасти, я уже всё придумал... А теперь я молчу. Не хотите — не надо.

ВИКА (требовательно). А мы хотим! Это не для одного тебя, а для всех.

ВСЕ (кроме Игорька). Говори, чего придумал!

ОЛЕГ. Пожалуйста. Нас из-за чего в поход не хотят пускать? Из-за того, что мы не по-товарищески относимся друг к другу. Значит, нужно по-товарищески. Нам ещё почти полгода учиться. За полгода знаете, что можно сделать! И подружим-то всего полгодика, зато в поход пойдём.

ЛИЛЯ. А как мы будем дружить?

ОЛЕГ. Да никак. Как раньше. Только Климова и Мельникову — не трогать. И вообще прекратить про них всякие шуточки. А если кто-нибудь чего-нибудь думает, пускай про себя думает, а вслух не говорит. Согласны?

ВСЕ (кроме Игорька). Согласны!

ОЛЕГ. Всё в порядке. С этой минуты мы опять самый дружный класс в школе. (Шёпотом, дирижируя.) Потому что мы самые...

ВСЕ. ...смелые...

ОЛЕГ. Самые...

ВСЕ. ...весёлые...

ОЛЕГ. Самые...

ВСЕ. ...умные!!!

И снова мы видим вполне довольных собой ребят. Они рады, что всё разрешилось так

просто, что они сами нашли выход. В эту минуту они действительно считают себя самыми умными и искренне радуются этому. Вика и Лиля выражают свои эмоции обычным для них способом. Они исполняют несколько па бурного танца, но на сей раз почти на месте, чтобы не было слышно в коридоре.

ВИКА (внезапно останавливается). А ведь ещё не всё!

ЛИЛЯ (продолжая танцевать). Всё, Викочка, всё, всё, всё...

ВИКА (снова включается в танец). А ведь Володя и Аня поссорились...

ЛИЛЯ (танцуя). Ну и что такого?

ВИКА (останавливаясь). Значит, у нас нет дружбы на сто процентов. Если в классе хотя двое ссорятся, значит, весь класс недружный. И пока они не помирятся, Анна Ивановна всё равно будет думать, что мы над ними смеёмся. И куда мы не поедем.

ЛИЛЯ (останавливается). Ой! Она правильно говорит! Пускай они помирятся!

ОЛЕГ. Помирятся, как миленькие. Разве они не понимают, что из-за них нас в поход не пустят! А если не захотят мириться, Саня с ними поговорит. Верно, Саня?

КУКИН. Сам поговори.

ОЛЕГ (с иронической угрозой). Саня! Не груби, а то списывать не дам.

КУКИН. А чего ты всё время пристаёшь. «Саня, Саня...» Я и не хочу у тебя списывать. Может, я теперь вообще... у Вики буду списывать.

ВИКА. Мальчишки, хватит спорить, а то опять поссоритесь. Давайте лучше мы с Лилей за Аней сходим. (Олегу.) А ты за Володей сходи.

ОЛЕГ. Саня, если ты мне друг, сходи за меня.

КУКИН. А чего ты — сам не можешь?

ИГОРЕК. Конечно, не может. Он же боится, что Климов его с лестницы спустит.

ОЛЕГ. Ох, до чего же я сегодня терпеливый, сам удивляюсь.

КУКИН (представив, как Олег лезет с лестницы, хихикает). Ладно, не бойся. Я схожу.

ОЛЕГ. Просто удивительно, до чего я сегодня терпеливый...

ИГОРЕК. А я домой пойду. У меня ещё не все уроки сделаны.

ВИКА. Не смей уходить! Раз договорились все вместе, значит нужно вместе.

ИГОРЕК. Всё равно же я никуда не поеду. Мне-то какое дело?

ВИКА. Раз ты в нашем классе, значит — твоё дело. Ты не про одного себя думай, а про всех думай. А мы скоро придём. Пойдём, Кукин.

Вика, Лиля и Кукин, по очереди выглядывая за дверь, уходят на цыпочках. Игорёк достаёт из портфеля учебник и начинает читать его. Олег не знает, чем заняться. Оба испытывают чувство скованности. Олег подходит к доске, заглядывает зачем-то по другую её сторону. Затем подходит к окну, вынимает из кармана ножичек, скребёт им по стеклу. Раздаётся визг. Игорёк никак не реагирует. Олег повторяет операцию, поглядывая на Игорёку. Некоторое время Игорёк сидит в прежней позе, затем начинает ёрзать.

ОЛЕГ. Не бойся, не трону.

(Игорёк безмолвствует.)

ОЛЕГ. Подумаешь, разговаривать он не хочет! Мы же договорились дружить, значит, ты должен со мной

разговаривать. Игорёк, ты бы стал со мной дружить?

ИГОРЕК (резко поворачивается). Я тебя ненавижу! Я тебя с детства ненавижу!

ОЛЕГ (не ожидал такой бурной вспышки. После раздумья, серьёзно). Ну, тогда давай драться. (Рассудительно.) Пойдём в нашу парадную, там внизу подвал, никто не увидит. А хочешь — пойдём в вашу парадную. Спокойненько подерёмся. Если ты победишь, я тебе больше ни одного слова не скажу. А если я побегу... (Задумывается.) Если я побегу... если я побегу... В общем, если не ты победишь, а я, то ты Кукину будешь всегда задачки решать по арифметике. Пойдём?

ИГОРЕК (встаёт). Ну и пойдём!

ОЛЕГ. Ну, пойдём!

ИГОРЕК (не двигается с места). Ну и пойдём!

ОЛЕГ. Пойдём, пойдём. Чего же ты не идёшь?

ИГОРЕК. Ну и пойду! (Садится.)

ОЛЕГ. Я и без тебя знал, что не пойдёшь. Ты только Анне Ивановне жаловаться не боишься, а драться боишься. Помнишь, я тебя в четвёртом классе звал драться, ты тоже не пошёл? И в пятом не пошёл! И в шестом не идёшь. Учти, у меня нервы

не железные. Я ещё подожду немного... Но уж если ты и в седьмом не пойдёшь, я тебе ноги выдерну, другим концом вставляю и скажу, что так и было.

ИГОРЕК. Тебя ещё раньше седьмого класса из школы выгонят.

ОЛЕГ. Ты, что ли, меня выгонишь?

ИГОРЕК. А вот увидишь...

ОЛЕГ. Посмотрим, сказал слепой. Меня-то не за что выгонять... А вот ты... Дружить ни с кем не хочешь, драться ни с кем не хочешь. Что ты за человек такой? Просто горе мне с тобой...

Подходит к окну и снова начинает скрести ножом по стеклу. Игорёк вскакивает, берёт с парты учебник и быстро идёт к двери. Навстречу ему в дверь входит Кукин, таща за собой упирающегося Володю.

КУКИН (Олегу). Ф-фу... Всю дорогу ташил. Сильный, чёрт! (Игорьку.) А ты куда?

ИГОРЕК. Никуда. У меня ещё уроки не сделаны.

КУКИН. Подумаешь, уроки... Я вон никогда уроки не делаю, и то ничего. (Встаёт.) Я тебя отпущу, только ты не убегай, ладно?

ВОЛОДЯ. Да чего вам от меня нужно?

ИГОРЕК. Сейчас они тебя мирить

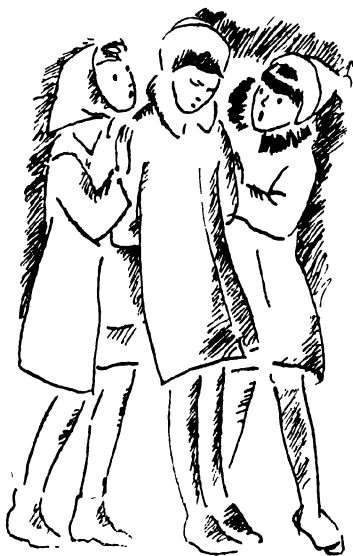
будут. У них — борьба за мир. (Отходит и садится за парту.)

Появляются Вика, Лиля и Аня. Увидев Аню, Володя вырывается из рук Кукина и отходит в глубину класса.

ВИКА. Она согласна! Мы ей всё объяснили, и она сразу согласилась. Верно, Аня?

Аня с робкой улыбкой поглядывает на Володю, кивает головой.

ВОЛОДЯ (Олегу). Это всё ты придумал? Чего ты лезешь не в своё дело! Ни с кем я мириться из собираюсь! Даже и не думаю.

ОЛЕГ. Значит, ты — эгоист. О себе думаешь, а о других совсем не думаешь! Что же нам из-за тебя всё лето в городе сидеть? Или в пионерский лагерь ехать? «На зарядку становись!» — так, да? Эх, ты... А в лесу бы мы знаешь как жили? Никакой зарядки (доверительно.) Там даже умыться необязательно...

ВИКА (Володе). Вы, мальчишки, все такие... Если сами чего-нибудь сделаете, так ничего, а если девочка чего-нибудь сделает, так злитесь на них, как ненормальные. Ну и написала она письмо... Ну и что такого? Ничего особенного.

АНЯ. А я ничего не писала.

ВИКА (думая, что её не понимают). Да нет, Аня, я про письмо в газету. Ведь ничего там такого не было, а он разозлился. Подумаешь — письмо!

АНЯ. Да ни в какую газету я не писала. Честное слово!

ОЛЕГ. Вот это интересно! А чего же ты раньше не сказала?

АНЯ (с обидой). Меня никто не спрашивал. Я видела, как вы все про какое-то письмо шептались. Только я думала, что это опять шутки.

ВОЛОДЯ. А что же ты мне не сказала? Я же не знал...

АНЯ. А ты меня тоже не спрашивал. Ты просто со мной разговаривать перестал, и всё.

ОЛЕГ. Ну и горе мне с вами! Один не писал, другой не читал! Может, никакого письма вообще не было? Может, это просто кто-нибудь пошутил? Мне вот один раз в лагере горячую картофелину за шиворот спустили и раздавили. Знаете, как больно было! А письмо — ерунда, оно же не горячее. От него же не больно. (Володе, деловым тоном.) В общем, миритесь быстрее, а то ещё уроки делать надо.

ЛИЛЯ. Ой, я вспомнила, кто мне про письмо сказал! Это он мне сказал! (Указывает на Игорьку.)

ИГОРЕК. Я? Ну и что? А мне Кукин сказал. Верно, Кукин?

КУКИН. А чего Кукин?! А мне он сказал. (Показывает на Олега.)

ОЛЕГ. А мне первая Вика сказала.

ВИКА. А мне — Лиля...

ОЛЕГ. Нет, так это никогда не кончится. Слушайте, ребята. Кто у нас самый мудрый человек в классе? Конечно, я. И я вам сейчас всё объясню. Никто ничего не писал. Просто всё это кто-то придумал. Вот и всё. А раз ничего не было, значит, и обижаться нечего. (Ане.) А что вы поссорились, это, значит, не считается.

ЛИЛЯ. Ничего себе, «не считается». А за что он её ударил? Пускай он теперь прощения просит!

ОЛЕГ (Володе). А правда, за что ты её ударил?

АНЯ. Это неправда! Ничего он меня не ударил!

ОЛЕГ (Володе). За что ты её не

ударил? *(Спыхватывается.)* Тьфу! Совсем с вами запутался. Никто ничего не писал, никто никого не ударил... *(Ане.)* Из-за чего вы тогда ссоритесь? *(Володе.)* Ну, из-за чего вы ссоритесь? Хотите, чтоб весь класс в поход не пустили?

ВОЛОДЯ. Не лезь, пожалуйста, не в своё дело.

ОЛЕГ. Как это не моё дело! Вот интересно! Нас в поход не пускают и — не моё дело. Очень даже моё. Помириться, тогда и будет не моё.

Олег подходит к Володе и начинает подталкивать его по направлению к Ане. Володя вяло сопротивляется. С другой стороны Вика и Лиля подталкивают Аню, говоря ей: «Ну иди, иди! Ты же обещала». Аня и Володя подают друг другу руки.

ИГОРЕК *(со своего места)*. Ну что, кончилась борьба за мир? Можно домой идти?

ВОЛОДЯ. Нет, не кончилась. *(Олегу, показывая на Игорёчку.)* Тогда и вы с ним помириться. Вы с первого класса ссоритесь.

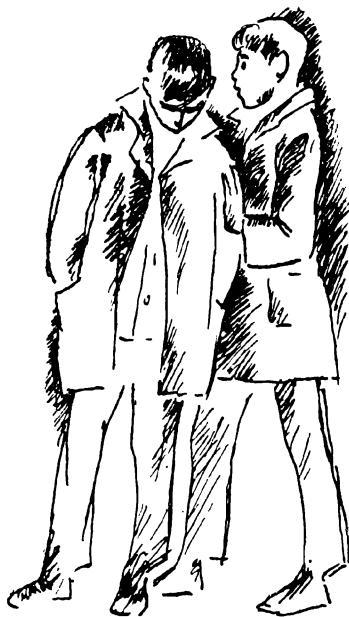
ОЛЕГ. Насовсем помириться или до каникул?

ВИКА. Насовсем, насовсем!

ОЛЕГ *(вздыхая)*. Насовсем жирно будет. Ну, ладно, давай насовсем. Подходит к Игорёчку, протягивает руку. Игорёк отворачивается.

ВИКА и ЛИЛЯ *(вместе)*. Игорёк, нечестно!

ОЛЕГ *(стоя с протянутой рукой)*. Ох, до чего же я сегодня терпеливый!

ИГОРЕК *(неохотно подавая руку, шёпотом)*. До каникул.

ОЛЕГ *(шёпотом)*. Договорились. *(Ребятам.)* Теперь уж мы такие дружные — прямо можно на выставке показывать. Пошли по домам.

(Окончание следует)

Л и с и й Н о с

Не зря,
как видно,
мыс тот звался
еще при дедах —
Лисий Нос...
Он далеко в залив вдавался
и год от года рос и рос.
Как ни хитрил,
чего ни делал я —
не шла рыбёшка на крючок.
А солнце с дерева на дерево
катилось, будто колобок.
И где тот дедка с доброй бабкою,
из чьей натопленной печи
оно бежало — круглый баловень,
умаслив щедро кирпичи?
С волками,
зайцами,
медведями
весь день встречаясь на пути,
оно ко мне катилось медленно —
как бы не двигалось почти.
Уже всё ниже,
всё доступнее...
И вот,
присев на Лисий Нос,
нешибко тучу по лбу стукнуло,
согнав с насиженных берёз.

Водою поднятое марево
студило жаркие бока...
А Лисий Нос торчал
внимательно
и целился наверняка!
Пора и удочки смотать.
Сейчас поесть бы да поспать...

П о г р и б ы

Как-то взяли меня —
городского —
в первый раз
за грибами дружки...
Шли мы, шли
мимо поля ржаного,
шли мы берегом сонной реки...
Возле старой горелой лесины
Разбежались глаза у меня:
вон прижались друг к другу
лисички,
подберёзовик замер у пня.
Из травы,
покраснев от натуги,
подосиновик вылез на свет.
Встали в круг сыроежки-подруги...

Моховик — словно скрюченный
дед...
Я спешил.
Я трудился — что надо...
Мухоморы крушил по пути!
— Белый гриб...
Белый гриб!
Эй, ребята!
Вам такого вовек не найти!
Эй, ребята!
Да где же вы?
Где вы-ы-ы? —
Даже птица в ответ не поёт...
Я — вперёд.
Я — направо.
Я — влево...

И назад я и снова вперёд...
— Эге-гей!

Эге-гей... —

Меж стволами
Смогло эхо — и вновь тишина.
Возле ног моих в тинистой яме.
пузыри подымались со дна.
Я бежал...
Всполошённые ели
били в спину колюче и зло,
из корзины трофеи летели,
наземь падали — шляпки долой!
Где река?

Где дорога к деревне?
Где ребята?

В какой стороне?

Головами качали деревья,
не хотели подсказывать мне...
Но, как музыка,

вдруг долетели
голоса:

— Где ж ты, дьявол?
— Я тут!!! —

Сел под дерево. Ноги гудели.
Пересохло от счастья во рту.
...Вдоль реки по дороге

знакомой —
все с грибами, а я налегке —
потихоньку шагаем мы к дому,
всё слышней петухи вдалеке.

Напевают ехидные птицы,
глядя вслед мне с весёлых ветвей:
«Как легко,

чик-чирик,

заблудиться,
если ты позабыл про друзей!
Про друзей,

чик-чирик,

про друзей...»

Р а з б о й н и к и

Берега укрыл туман.
Над туманом заалело...
Долгим свистом атаман
созывает нас на дело.
По течению в челне
выплываем из тумана,
запеваем в тишине
про Степана-атамана...

Резко песню оборвал
наблюдателя сигнал:
за излучиной реки —
караван купецкий!
Приготовлены клинки,
звонко щёлкнули курки,
тише вёсел всплески.
Эй, купчишка толстобрюхий!
Ну-ка пороха понюхай!
...Вечером

отец уставший,
молотивший целый день,
скоро суд свершив домашний,
не спеша снимал ремень...
И терпел я боль,

как Разин,

лишь за то,

что весь промок,
что от шишек и от ссадин
шевельнуть рукой не мог,
что ничем я маме за день
по хозяйству не помог...

Н а р е к е

Что за дела в родной моей реке?!
Не знал я места некогда,

чтоб тише...

Судачат судаки о судаке,
дают леща лещи своим детишкам,
друг друга охрой красят караси,
косит на них свинцовым оком

окунь,

и щука в зеленеющей грязи,
прищулив глаз,

гуляет по осокам.

Ершатся мелководные ерши,
плотва плывёт под брёвна
плотогонов,

и старый язь,

язвя их от души,

идёт вздремнуть в тишайший из
затонов,

где спит уже

намыленный налим

под камнем, наклонившимся над

ним,

где линь прильнул к коряге,

погружён

в раздумья,

где храпит обжора-сом

и видит свой многопудовый сон —

про то, как я плыву вниз по

течению

и никого ни всплесками,

ни тенью,

по дну скользящей,

вовсе не пугаю...

Спи, сом!

Я уплываю,

уплываю...

Десять музеев в одном альбоме

Среди моих знакомых филателистов есть один школьник, коллекция марок которого мне особенно нравится. Когда он только начинал собирать свою коллекцию, он клал в альбом любую марку, которая ему попадалась. Прошло два-три года, и этот школьник стал более разборчивым. Он стал собирать почтовые знаки только по одной теме — «Искусство». Но ведь и искусство чрезвычайно разнообразно. Во многих странах изданы марки с репродукциями картин знаменитых художников, с изображениями скульптур великих ваятелей. На марках можно увидеть редчайшие произведения искусства — вазы, гобелены, ковры, мозаику.

«Опять очень много, — подумал мой молодой приятель, — все марки по теме «Искусство» очень трудно собрать...»

И тогда он решил собирать только такие, на которых воспроизведены картины и портреты, находящиеся в различных музеях мира.

В его альбоме помещены изображения сокровищ более чем десяти крупнейших музеев нашей планеты. Это удивительно интересная коллекция, которая многое рассказывает,

о многом напоминает и многому учит.

Раскроем с вами этот альбом и начнём путешествие по замечательным картинным галереям. Тем из вас, кто бывал в Русском музее в Ленинграде или в Третьяковской галерее в Москве, здесь удастся увидеть знакомые полотна. Но даже если вы ещё не побывали в этих сокровищницах, многие картины вам знакомы по репродукциям в книгах, журналах и других изданиях.

Вот чудесное полотно художника Виктора Васнецова «Три богатыря». Хотя оно воспроизведено на крупноформатной марке, но эта марка в сотни раз меньше самой картины. И всё же мастера-печатники на таком небольшом кусочке бумаги сумели с большой точностью передать картину. Листаю страницы альбома и как бы медленно иду по залам Русского музея и Третьяковки. Вот «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». А рядом «Бурлаки». Под страшным солнцепёком, изнемогая от усталости, люди тянут тяжёлую баржу. Марки эти в альбоме рядом, потому что автор обеих картин один и тот же художник — великий русский живописец Илья Репин.

В этом году исполняется 150 лет со дня рождения знаменитого художника-мариниста Ивана Айвазовского. Маринистами называют тех художников, которые на своих полотнах изображают море и корабли. В своё время советская почта выпустила три марки, посвя-

щённые вдохновенному певцу моря — Айвазовскому. На одном из них — портрет мастера, на двух других — репродукция самых известных его картин: «Чёрное море» и «Девятый вал».

Айвазовский жил в Феодосии. Часами он наблюдал Чёрное море, то спокойное и тихое, ласково плещущее у берегов, усыпанных галькой, то грозное и разъярённое. Художник наблюдал и запоминал все краски, все переливы любимого моря. За всю жизнь он написал около шести тысяч произведений.

Я побывал в доме Айвазовского в Феодосии. Теперь здесь музей. Мне показали комнаты, где работал великий мастер. Я взглянул в окно, уверенный, что увижу море. Ничуть не бывало. Окно выходило в сад. Свои самые знаменитые картины художник написал в этой высокой комнате, не глядя на море. Все краски моря были в его памяти, в его сердце. Он не писал море с натуры, потому что оно всё время меняется, каждую секунду, каждый миг.

У молодого владельца альбома «Живопись на марках» есть заветная папка. Здесь хранятся не почтовые знаки, а вырезки из газет и журналов с рассказами о художниках и картинах, репродукции которых попали в коллекцию. Таким образом, юный собиратель не только знаток марок, но и знаток живописи.

Я «путешествую» по его альбому, и передо мной предстают на марках «Золотая осень» Левитана, «Охотники на привале» Перова, «Грачи прилетели» Саврасова. Мой молодой друг, как заправский экскурсовод, сообщает интересные сведения об авторах картин, подробно рассказывает, как, в каких условиях и где создавались эти полотна.

На одной из страниц альбома — аккуратно написанный тушью заголовок: «Дрезденская картинная галерея» (Германская Демократическая Республика). Под заголовком расположено несколько серий марок, выпущенных почтой ГДР. Тут великолепно отпечатанные репро-

дукции таких величайших мастеров, как Рафаэль, Тициан, Рембрандт.

Молодой собиратель рассказал мне историю этих марок.

Появились они случайно. Дрезденская картинная галерея — одна из самых знаменитых в мире. Когда вторая мировая война уже близилась к концу и всем был ясен её исход — неминуемый разгром фашистов, — гитлеровские главари в спешном порядке разработали варварский план уничтожения всех сокровищ, хранившихся в Дрезденской галерее. Был отдан приказ упаковать картины в специальные ящики и ждать дальнейших указаний.

В глубокой тайне все ящики были увезены из города. Кроме нескольких посвящённых лиц, никто не знал, куда направились грузовики с бесценными сокровищами галереи. Под покровом ночи грузовики двигались по безлюдным дорогам к старым, заброшенным шахтам и штольням.

Фашистские главари решили: если не произойдёт перелома в ходе войны, — шахты, штольни, пещеры, где спрятаны картины, будут затоплены.

Тем временем Советская Армия уже шла по территории фашистской Германии, с каждым днём приближаясь к главному гитлеровскому логову — Берлину. Командованию наших Вооружённых Сил стало известно о страшной участи, грозившей знаменитым произведениям мировой живописи. Надо было во что бы то ни стало спасти эти сокровища от уничтожения.

По приказу советского командования создали специальную поисковую группу. В неё входили сапёры, так как штольни и пещеры были заминированы. Но кроме воинов в этой группе были также специалисты-искусствоведы и реставраторы, на тот случай, если где-то приказ о затоплении уже приведён в исполнение.

Поиски велись днём и ночью. Наконец попали на след. С большой осторожностью работали сапёры, предотвращая взрывы, которые мог-

ли безвозвратно погубить полотна Рафаэля, Тициана и других гениальных мастеров.

И вот советские солдаты и искусствоведы оказались перед заколоченными ящиками. Вскрыли их и увидели прославленные картины. Но в каком виде!.. За время пребывания под землёй они были настолько повреждены сыростью, что в первые минуты казалось невозможным спасти сокровища. Но советские специалисты из Москвы и ленинградского Эрмитажа сделали невозможное. Все полотна ожили под их руками.

В 1955 году все спасённые советскими воинами картины Дрезденской галереи и других музеев ГДР

были возвращены германскому народу.

В память об этом событии почта ГДР выпустила три серии из семнадцати марок. На каждой марке была репродукция какой-либо картины, спасённой советскими воинами. Тут и «Сикстинская мадонна» Рафаэля, которую выше всех других картин в мире ценил наш великий писатель Лев Николаевич Толстой. Тут и «Девушка с письмом» работы голландского художника Вермеера. Дельфтского — знаменитого мастера, после которого сохранилось очень мало произведений. Здесь и портрет мальчика, выполненный прославленным итальянцем Пинтуриккио.

Среди семнадцати марок ГДР есть одна особенная. На ней — репродукция картины Тициана «Динарий Кесаря». По преданию, она была написана великим венецианцем на дверце шкафа. Такова была воля герцога Феррарского Альфонсо д'Эсте, желавшего всё время видеть перед собой изумительную работу Тициана. Эту картину, написанную на дереве, наши солдаты нашли позднее других сокровищ. После долгих настойчивых поисков, её извлекли из затопленной штольни. Искусствоведы ужаснулись, когда увидели на дереве обнажившийся грунт, рубцы, поползшие краски.

Надежды на спасение не было. И лишь невероятные труды и старания советского реставратора не дали погибнуть этому величайшему сокровищу искусства.

Правительство Германской Демократической Республики наградило орденами «За заслуги перед отечеством» участников спасения дрезденских сокровищ, в том числе реставратора О. С. Чуракова, того, который спас шедевр Тициана.

Вот о чём напоминают семнадцать марок с репродукциями картин знаменитой сокровищницы искусства в Дрездене.

Когда приближается юбилей кого-либо из знаменитых художников, это событие отмечается выпуском специальной серии почтовых марок с репродукциями его картин. В дни юбилея великого фламандца Рубенса бельгийская почта выпустила богатую серию почтовых знаков с самыми знаменитыми картинами художника, которого называли «королём живописцев и живописцем королей».

Эта серия марок имеется в альбоме моего молодого друга, и он очень дорожит ею. Но ещё больше он дорожит марками, изданными в честь знаменитого голландского мастера Рембрандта. Юный филателист не раз посещал Эрмитаж, где хранится одна из лучших коллекций картин Рембрандта. Он хорошо познакомился с биографией художника, и это помогло ему нагляднее и красочнее оформить страницу альбома, посвящённую Рембрандту.

Ни один художник не оставил после себя столько автопортретов, как Рембрандт. Их несколько де-

сятков. Многие репродуцированы на марках. Я вижу здесь совсем молодого, 28-летнего, Рембрандта, весёлого и жизнерадостного, с любимой женой Саскией. Эта марка издана в ГДР. А вот другой почтовый знак, выпущенный в Болгарии. Здесь Рембрандт изображён на склоне жизни. И на лице старика запечатлены печаль и обиды, нанесённые ему богатыми голландскими бюргерами, отвергнувшими его гениальное творчество.

Добрая половина альбома отведена под портретную галерею. Здесь помещено несколько сот различных красочных марок. На них портреты учёных, писателей, композиторов, выдающихся революционных деятелей, народных героев. Когда, скажем, отмечался юбилей знаменитого русского актёра М. С. Щепкина, была выпущена марка с репродукцией портрета, некогда написанного другом артиста — поэтом и художником Тарасом Шевченко.

Образ великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина вот уже полвека вдохновляет художников многих стран на создание портретов и картин. Три страницы отведены в альбоме для марок теме «Ленин в живописи». Десятки красочных марок воссоздают образ великого вождя.

Когда я рассматривал марки с репродукциями картин из знаменитого французского музея — Лувра, мне вспомнились две истории. На одной из марок воспроизведена широко известная картина Леонардо да Винчи «Джоконда». Это полотно считается самым дорогим на земном шаре. В начале нынешнего века один маляр решил нажиться на «Джоконде». Выполняя различные работы в залах Лувра, он незаметно снял со стены знаменитую картину и вынес под рубахой за пределы музея. Почти три года тщетно вела поиски исчезнувшей «Джоконды» полиция многих стран. Но так и не нашла её, пока сам маляр не предложил «Джоконду» одному торговцу картинами. Вначале думали, что это «розыгрыш». В глубокой тайне происходили встречи с маляром.

Убедились, что полотно, которое он хранил на дне ящика с инструментами, действительно портрет, написанный великим Леонардо. Маляр, конечно, просчитался. Он был арестован и предан суду, а «Джоконду» возвратили в Лувр.

А вот другая марка, выпущенная во Франции. На ней также изображена картина из Лувра — «Игроки в карты» — работы известного мастера Поля Сезанна. Эта марка заслуживает того, чтобы о ней рассказывали особо, так как она помогла раскрытию одного преступления.

Есть во Франции город Экс-ан-Прованс. Здесь родился Поль Сезанн. Горячо привязанный к месту своего рождения, знаменитый художник в течение всей своей жизни дарил многие свои картины музею родного города. Они-то и привлекают сюда множество туристов.

Пять с небольшим лет назад, в середине ночи, в музей забрались воры. Они похитили восемь картин Поля Сезанна. Среди восьми полотен было одно, наиболее известное — «Игроки в карты».

Наутро узнали о похищении. Вся Франция была взбудоражена. Подняли на ноги чуть ли не всю полицию страны. Специальные полицейские агенты дежурили в морских и воздушных портах, на приграничных железнодорожных станциях, дабы воры не смогли увезти картины за кордон.

Поиски не приводили ни к чему. Как раз в это время французская почта выпустила марку с репродукцией очередной картины из Лувра. И это тоже были «Игроки в карты»! Не удивляйтесь. Дело в том, что Сезанн сделал несколько повторений этой работы. Таким образом, «Игроки» имеются и в Лувре, и даже в Лондонской национальной галерее.

Марку с изображением «Игроков» выпустили тиражом в несколько миллионов экземпляров. Чуть ли не каждый француз знал теперь, как выглядит полотно знаменитого Сезанна.

Похитителям невозможно было сбыть украденное. Взглянув на кар-

тину, каждый узнал бы её. Как видите, маленькая почтовая марка сделала очень большое дело. Вору решили возвратить украденное. Через восемь месяцев после кражи в полиции французского города Марселя раздался телефонный звонок. Кто-то сообщил, что на одной из портовых улиц, у такого-то дома, стоит легковой автомобиль «Пежо». В багажнике находятся картины Сезанна. И разговор оборвался.

По указанному адресу помчались полицейские машины. Быстро нашли автомобиль «Пежо», а в нём украденные сокровища.

Э. МИРОНОВ

★ ~~~~~ ★

Лев Стекольников

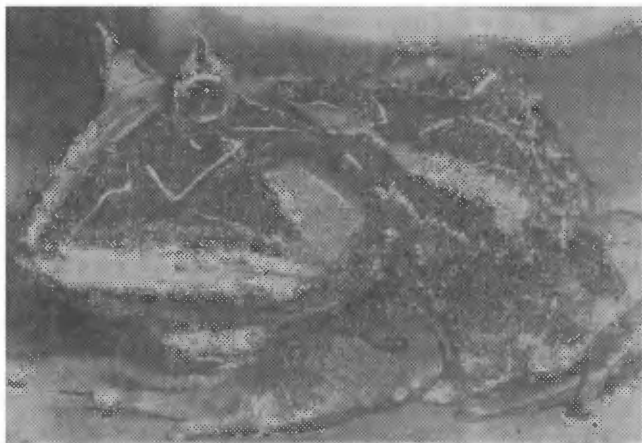
Страна Ужландия

Есть Новая Зеландия
За дальними морями,
И есть страна Ужландия
За лесом, рядом с нами.
И там в траве несмелей
Царит ужас стоптый.
С царицею ужицею,
С царевнами ужевнами,
С царевичем ужевичем,
С племянником ужанником,
С племянницей ужанницей.
В блестящем чёрном кителе
Гуляет царь до ужина,
В короне у властителя
Две жёлтые жемчужины.
Ужата шепелявые
Ползут за ним оравую.
Шипят они: «Папаш-ша!
Где наш-ша простокваш-шаа?»
Приносят им на сладкое
Не пышку и ватрушку,
А мокрую и гладкую
Болотную лягушку.

Рис. Г. Ясинского

Жаба из Бразилии

По полу ползала небольшая анаконда, злобно тараща маленькие глазки. Между стопками книг извивался изумрудно-зелёный древесный удав. В коробках и банках копошились ящерицы, змеи, жабы — самых причудливых форм и расцветок.

Не лаборатория, а тропический лес. И её хозяин — Илья Сергеевич Даревский, — конечно, бесстрашный покоритель джунглей.

Он вернулся из Бразилии и теперь охотно демонстрировал зоологам свою коллекцию живых сувениров.

Вот он снял со стола очередную коробку и молча раскрыл её. Вней сидела жаба. Но какая жаба! Огромное рогатое существо поражало своей необычной окраской: чистый, яркий зелёный цвет сочетался с тёмными коричневыми пятнами, которые складывались в сложный, при-

хотливый узор. Рисунок дробил тело животного на части так, что трудно было сразу сообразить, где у жабы голова, а где ноги. Из-под маленьких пирамид-рогов на нас смотрели карие с золотинкой глаза. А рот! Он занимал чуть ли не половину тела — от уха до уха, придавая физиономии животного слегка угрюмое и снисходительное выражение. Эта величественная красавица по своим размерам не уступала крупной морской свинке...

Интересно, для кого предназначена эта красавица?

— Илья Сергеевич, кому вы собираетесь отдать жабу? — спросил я.

— Да пока никому. Думаю оставить себе, пусть поживёт у нас в лаборатории.

У меня даже дух перехватило.

— Отдайте её мне!

— Подумаю...

Так я стал обладателем рогатой итании — громадной зелёной жабы, обитающей в Южной Америке.

Надо было срочно устраивать жилище для бразильской красавицы. Кроме того, жаба нуждалась в основательном лечении. Всю дорогу (а маршрут итании сделал бы честь любому путешественнику: Сан-Пауло — Париж — Москва — Ленинград) — почти две недели жаба неподвижно просидела в тесной коробке. Неудивительно, что она была голодна. От недостатка влаги кожа её подсохла. Сидячая жизнь тоже не пошла на пользу — на ногах появились пролежни. Правда, ранки были невелики, но кровоточили. В довершение всех неприятностей итания линяла, и с неё клочьями слезала кожа. Когда я рассказал всё это приятелю — большому знатоку и любителю земноводных, он

покачал головой и вынес приговор:

— Сдохнет. Не удастся тебе её выводить.

Честно говоря, я и сам так думал. Но попытка не пытка.

Я принёс жабу к себе в лабораторию. Разыскали большой старый аквариум. В ближайшем скверике я вырезал кусок дёрна с травой и уложил его на дно аквариума. Для того чтобы поддерживать необходимую влажность, в аквариум поставили широкую чашку с водой, а на дно чашки — для красоты — положили разноцветные камешки. В воду сунули несколько кустиков водяного папоротника. Получилось довольно красиво. Но когда мы показали наше «произведение» Илье Сергеевичу, он остался недоволен:

— Знаете, чего тут не хватает? Сфагнума.

Правильно. Можно было и самому сообразить. Этот мох обладает замечательным свойством — убивает бактерии. Для нашей жабы, с её ранками на ногах, сфагнум — самая хорошая подстилка. Пришлось организовать специальную экспедицию — отправиться за город и набрать на болоте сфагнума.

Оборудовать подходящее жилище оказалось сравнительно просто. Гораздо труднее было лечить жабу. Приходится признаться — ох и трудное ремесло у Айболита! Мы долго не решались начать лечение. В самом деле, ну как ты её лечить бу-

дешь? Перевязать ранку нельзя, — любая повязка соскользнёт. Йодом промыть — боязно. Всё-таки жаба, не человек. Кто её знает, может, йод для неё вреден. Что делать?

Времени для размышления у нас не было, — жаба выглядела совсем скверно. Вот-вот сдохнет. И мы начали лечение. Для начала взял я нашу красавицу в руки и самым бесцеремонным образом помыл её под краном. Жаба отнеслась к душе без всякого восторга, всё время пыталась выпрыгнуть из рук. Тем не менее мне благополучно удалось смыть веточки мха, песок и грязь, присохшие к коже. Пока мокрая жаба приходила в себя после купания, мы развили слабенький раствор марганцовки и растолкли в порошок чуть ли не десяток таблеток стрептоцида. Затем промыли каждую ранку раствором и засыпали стрептоцидом.

Наконец жаба оказалась с ног до головы перепачкана порошком, и мы решили, что на сегодня с неё хватит. Водворили её в террариум. Некоторое время итания копошилась во мху, устраивалась поудобнее, потом замерла.

Недели через три, к великому моему удивлению, жаба начала выздоравливать. От пролежней на лапах остались едва заметные следы, линька благополучно окончилась, а самое главное — итания начала есть!

— Чем вы собираетесь её кормить? — спросил Илья Сергеевич.

— Есть дождевые черви, есть мотыль.

— Давайте сюда и то и другое!

Жабу вытащили на стол и положили перед ней несколько здоровенных червей. Она даже головы не повернула. Подождали минут пять — никакого внимания. Десять минут — не ест. Тогда было решено накормить её насильно.

Но как заставить жабу раскрыть рот? Рукой — боязно, пинцетом — опасно: можно повредить тонкие челюстные кости. Наконец мне кое-как удалось просунуть в рот жабе палец. От возмущения она широко разинула пасть, и в то же мгновение Даревский ловко закинул туда двух червей. Пасть мгновенно захлопнулась, и я почувствовал, как в палец вонзился по крайней мере десяток тонких и острых игл. Взыть от боли я постеснялся и только про себя чертыхнулся, поняв, что освободить палец будет не так-то просто. На моё счастье, жабе он пришёлся явно не по вкусу, и через полминуты она его выплюнула. На пальце ровным рядом выступили капельки крови — следы зубов.

Даревский стоял рядом и хохотал:

— Помните, как Дарелл описывает укусы рогатой жабы? Как, по-вашему, похоже?

Ему хорошо смеяться.

А мне было больно. Правда, укус совсем не так страшен, как описывает его известный путешественник и ловец животных Джеральд Дарелл. Однажды он допустил ту же оплошность, что и я, после чего так писал о своих ощущениях: «Мне казалось, будто мой палец лежит на рельсе, по которому проходит длинный товарный поезд с увеличенным против обычного количеством колёс». Пожалуй, Дарелл всё-таки слегка преувеличил.

Второй раз мы решили дать нашей питомице новорождённого мышонка. Теперь я был осторожней — рот жабе раскрыли с помощью сложенной вдвое полосу плотной бумаги. Пусть кусает бумагу, сколько хочет.

Раз! — и мышонок исчез в необъятной пасти хищницы. Принесли вторично. Раз! — и этот исчез. Жаба спокойно проглотила третьего, четвёртого, пятого...

Через два дня жаба съела ещё трёх мышат, а ещё через день — двух. Раз животное начало принимать пищу —

непосредственная опасность ему не угрожает. Стало ясно, что итания может довольно долго прожить в неволе.

Несколько дней я работал в библиотеке. Надо было узнать об итании всё, что только возможно. Чем она всё-таки питается у себя на родине? Какая ей нужна температура? Дневной или ночной образ жизни она ведёт?

Удалось узнать совсем немного. Живёт рогатая итания во влажных тропических лесах Южной Америки. Ведёт преимущественно ночной образ жизни. Она очень малоподвижна и большую часть суток сидит на одном и том же месте, закопавшись в опавшие листья и лесную подстилку. Окраска делает её почти незаметной на фоне зелёной травы и потемневшей листвы. А о питании и способах охоты почти ничего не известно.

Вскоре бразильская жаба стала знаменитостью! Институтские фотографы извели на неё не один метр плёнки.

Однажды на пороге лаборатории появились

сотрудники телестудии, волоча за собой киноаппараты, штативы, осветители и ещё какую-то непонятную технику. Съёмки начались.

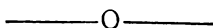
По плану, жаба должна была съесть мышонка, но перепуганное животное категорически отказывалось от пищи. Кинооператоры торопились и торопили меня. А жаба не хотела есть. Наконец она изволила проглотить мышонка, но оператор опять был недоволен, — слишком быстро. Увы, я ничем не мог ему помочь: обычно медлительная, жаба глотает добычу с поразительной быстротой.

После съёмки у меня болела голова и кололо в боку. Жабе, я думаю, было тоже несладко. Я засунул её в террариум, а сам отсиделся в ближайшем садике.

Жаба по-прежнему живёт у меня в террариуме. Она вся зарылась в мох, видна только рогатая голова. Время от времени голова мне подмигивает. А может, это мне только кажется?

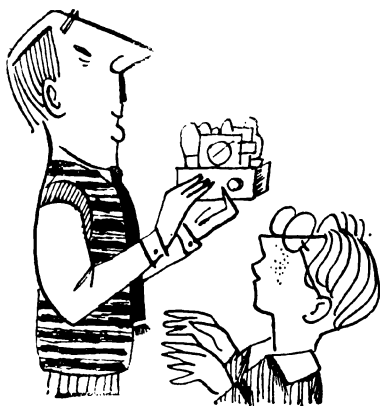
Е. НИНБУРГ, зоолог

Юмор наших друзей

УМЕЛЕЦ

Ясь впервые самостоятельно собрал радиоприёмник и говорит отцу:

— Разве это не чудо? Слышно все станции Европы!

Отец, послушав минуту, отвечает:

— И правда, все сразу.

ТОЧНОСТЬ

Мать говорит маленькому сыну:

— Перестань тянуть кота за хвост.

— А я и не тяну.

— Но я же вижу.

— Это он тянет. Я только держу.

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Мальчик рассказывает отцу:

— Ты знаешь, папа? Бабушка сказала мне, что Америку открыл Колумб, а случилось это четыреста лет тому назад.

— Ну и что?

— Представляешь, какая у бабушки память!

ПОДРОСТОК

Мать подростка мечтательно говорит знакомой:

— Кто знает, может быть, мой сын высадится на Марсе и увидит там людей.

— Жаль, что их нельзя предупредить.

БРАТЯ

Маленький мальчик спрашивает у отца:

— Папа! Если дядя Дональд твой брат, то почему вы никогда не дерётесь?

Перевод с польского
Ю. БРЖЕЖИНСКОГО

ДАЛЁКАЯ КАМЧАТКА

(Текст к рисункам на 3-й странице обложки)

ХУДОЖНИКУ Владимиру Френцу повезло.

Немногие из нас могут похвастаться, что видели и даже трогали руками три океана из четырёх: Ледовитый, Тихий и Атлантический. А тот, кто всё-таки видел, привозил в качестве вещественных доказательств всевозможные раковины, камни и высушенные морские звёзды.

Художник богаче любого такого путешественника. Он сохраняет на своих картинах и холстах все краски, все формы увиденного, потому что художника интересует всё: люди, природа, быт людей, их работа, их отдых, звери, моря, реки.

Когда Владимир Френц делал свои наброски, его обступали любопытные олени.

Когда он писал камчатских геологов — он прошёл с ними вместе по бурным рекам и по тайге.

Он был гостем рыбаков и охотников, строителей и лётчиков.

Сегодня мы познакомим вас с работами художника, посвящёнными Камчатке.

Издали кажется, что Камчатка — край сплошной экзотики: патриархальная тундра, пугливые стада оленей, величественные сопки и гейзеры. Но когда ваш ТУ-104 опускается на бетонированную дорожку современного аэродрома, расположенного у подножья Авачинской сопки, покрытой нетающими снегами, открывается вид современного города — Петропавловска-Камчатского — столицы края. Город бурно строится — современные многоэтажные здания, широкие улицы, кинотеатры, библиотеки, магазины...

Сегодняшняя Камчатка — это, прежде всего, край рыболовной индустрии, край геологов и оленеводов. Рыбачьи посёлки лепятся по всему побережью. Флотилии мощных сейнеров, холодильников и ботов уходят на промысел в Берингово море и Тихий океан. Они промышляют лосося, кету, краба, сельдь. Камчатский лосось, кета и краб «чатна» известны, пожалуй, во всех странах мира.

А осенью рыба сама приходит... к рыбакам: сплошной стеной идёт на нерест в камчатские реки кета. Аврал по всему побережью. Даже ребята приходят на помощь взрослым. Камчатские мальчишки — эти потомственные охотники и рыбаки — умеют разделять и ловить рыбу не хуже взрослых.

Итак, строители и рыбаки — хозяева современной Камчатки. Но есть ещё один хозяин — геологи. Ведь недра камчатской земли таят в себе неисчислимы богатства — от золота до нефти. Всё это надо разведать, определить запасы, нанести на карты — дать в руки промышленности точные сведения о всех богатствах.

На вертолётах, лошадях, оленях, в долблённых из тополя лодках-батах отправляются геологи в самые глухие уголки.

Они идут на север, где огромные стада оленей (в пять тысяч голов каждое!) с удивлением и любопытством разглядывают людей. Откуда знать оленям, зачем пришли геологи?!

Между прочим, на каждое оленьё стадо всего шесть пастухов. На пастбище всю шестёрку доставляют вертолёты. Выгружаются запасы продовольствия, книги, транзисторы, ружья, собаки. На много месяцев люди остаются одни — до прибытия смены.

А зимой самолёты и олени упряжки забрасывают в тайгу охотников.

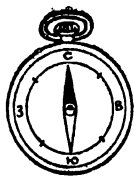
Камчатские мальчишки часто сопровождают взрослых в таких поездках. Особенно в каникулы. Иногда ребята сами на собачьих упряжках приезжают к своим отцам и дедкам в охотничьи бригады. И бывает так: приехали, а все старшие на охоте! Обидно, но ничего не поделаешь...

Если взять довоенную карту Камчатки и сравнить её с новой выпущенной, скажем, в прошлом году, контраст будет просто разительный: новые города и посёлки, новые дороги и порты, линии электропередачи и значки совсем недавно разведанных полезных ископаемых есть на новой карте.

Камчатка растёт и строится!

Д. ЯКОВЛЕВ

ПОСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

КАК В КАМЕННОМ ВЕКЕ

В северной части Юго - Западной Африки расположен гористый массив Каоковелд. В одном из его районов научная экспедиция обнаружила племя чимба, которое до сих пор живёт в условиях каменного века. Оказалось, что люди племени применяют в быту точно такие же каменные орудия, какими пользовались их давние предки.

Живут чимба в пещерах на скалистых склонах Каоковелд, в наиболее труднодоступных местах. Экспедиции удалось встретить людей этого племени только потому, что сильная засуха вынудила их спуститься в более плодородные районы плоскогорья.

ЩЕНОК НА АЭРОДРОМЕ!

Гигантский пассажирский лайнер бельгийской авиакомпании вынужден был в течение 15 минут «висеть» над южноафриканским аэродромом в Йоганнесбурге, не имея возможности произвести посадку. Причина — щенок, случайно очутившийся на посадочной полосе.

15 минут потребовалось пожарной команде на поимку ничего не подозревавшего щенка, после чего самолёт наконец благополучно приземлился.

ТАМ, ГДЕ БЛУЖДАЛИ ДЮНЫ

Ещё не так давно вдоль западного берега Ютландского полуострова от Эсбьерга до мыса Гренен перемещались блуждающие песчаные дюны. В течение последних сорока лет датчане осуществили здесь массовые посадки деревьев и засеяли дюны травами. Образовались защитные пояса. В результате берег полуострова превратился в весьма привлекательный 300-километровый пляж.

Только в предместьях Скагена оставили одну блуждающую песчаную дюну. Сделано это специально для туристов, которые с интересом наблюдают, как она перемещается с места на место, как бы прогуливаясь вдоль морского берега.

бёнок обладает отменным здоровьем. Агостино ни разу не болел.

Колли неоднократно делали предложение обратить свою силу в деньги на боксёрском ринге или на борцовском ковре, но Агостино отказывался. Он получил специальность инженера, женат и имеет сына. Колли-младший не унаследовал необычной силы отца, у него одно сердце и на каждой руке по пять пальцев.

ГЕРКУЛЕС

Агостино Колли живёт в Италии. Ему тридцать четыре года. Это удивительный человек. Дело в том, что у Агостино два сердца, а на каждой руке по шесть пальцев. Он невероятно сильный человек. Колли без особого напряжения поднимает полутоннажный грузовик, легко переносит брёвна, которые и два чело-

века с трудом могут волочить по земле. Он невелик ростом — всего 167 сантиметров. Внешне он не производит впечатления необыкновенно сильного человека.

Что же касается двух сердец, то врачи обнаружили их, когда Агостино было четыре года. Обследовав его, врачи заявили, что ре-

...один из зоопарков ГДР получил морского орла, у которого не хватало ноги? Изготовили протез. И хотя надеть его на внушительную птицу (размах крыльев 2 метра 40 сантиметров) было нелегко, искусственная нога из пластмассы, оклеенная орлиными перьями, была прилажена. Орёл уже совершил несколько удачных полётов в вольере.

★

...в польском местечке Гановка открыт уникальный музей чужеродных предметов, вросших в деревья? В музее уже есть такие экспонаты, как застрявшие в древесине осколки гранат, пули, артиллерийские запалы, вросшая в ствол железная цепь и даже целый топор с топорщиком. Топор когда-то воткнули в молодое дерево и забыли, а древесные слои из года в год обволакивали железо и постепенно весь топор оказался втянутым внутрь ствола.

★

...в Новом Афоне, под знаменитой Иверской горой, расположено уникальное подземелье, так называемая Анакопийская пропасть — одна из крупнейших в мире пещер? По заданию Совета Министров Грузинской ССР создана экспедиция в составе пяти спелеологов, двух архитекторов, инженера-топографа, инженера-маркшейдера и кинодокументалистов, которой поручено детально обследовать пещеру. Всего в Анакопийской пропасти семь залов и два озера. Один из залов с пышным названием «Храм» имеет высоту до 70 метров. Это самая высокая пещера в мире. Скоро её смогут увидеть тысячи туристов.

★

...прообразом почти всех календарей был древнеегипетский, созданный в пятом тысячелетии до нашей эры? Теперь наиболее известными календарными системами являются Юлианский календарь, введённый Юлием Цезарем в 325 году, и более точный Григорианский, принятый в 1582 году папой Григорием XIII. В нашей стране Григорианским календарём стали пользоваться лишь с 1918 года. Можно часто слышать, как называют дату «по старому стилю» и «по новому стилю». «Старый стиль» — значит по Юлианскому календарю, отстающему от Григорианского на 13 дней.

★

...древние корабели строили суда, размеры которых поражают и сейчас? На берегах Нила, в Египте, в царствование Птолемея Филафтора (221—203 годы до нашей эры) был построен корабль длиной 93 метра. Более полутора тысяч рабов было приковано на нём к 200 вёслам. На корабле возвышались деревянные крепостные стены с 24 боевыми башнями, за которыми скрывалось около 3000 воинов. Известен истории и другой корабль-гигант, который построил по приказанию сиракузского царя Гиерона Младшего (305—215 годы до нашей эры) коринфский мастер Архиас. На постройку этого судна пошло столько дерева, сколько бы потребовалось на строительство 50 больших галер.

★

...приостановка роста человека происходит из-за недостатка в пище цинка? Ливанский исследователь Рейнхольд изучал людей-карликов в Иране, Египте и установил, что их рост задерживался из-за отсутствия очень небольших количеств цинка в рационе питания.

★

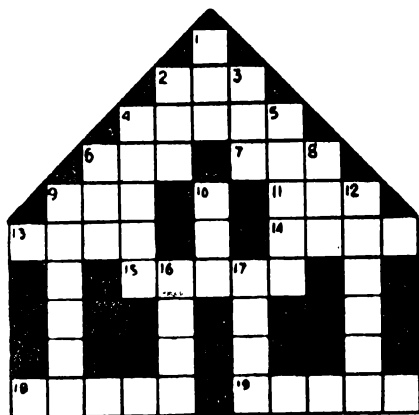
...самая распространённая рабочая профессия — это водитель автомашины? В нашей стране их около 12 миллионов! В нашем городе каждый девятый взрослый имеет права на вождение автомашины.

★

...В Ленинграде живут на воле... хищники? Правда, они редко дают о себе знать. Только снег выдает их присутствие. Наблюдать часто можно встретить следы ласок и горностаев. Зимой внимательный глаз может увидеть их следы на Обводном канале. Видимо, живущие в штабелях брёвен, зверьки по ночам охотятся здесь на мышей.

КРОССВОРД

(Составили Серёжа АЛЕКСЕЕВ и
Валерий ЖЕЛТИКОВ, Гостилицы)

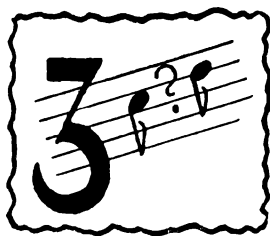

По горизонтали. 2. Корабельный повар. 4. Тяжёлый молоток дляковки металлов. 6. Мореходный прибор. 7. Шанцевый инструмент. 9. Тумба для швартования судов. 11. Садовый цветок. 13. Французский учёный, наглядно доказавший вращение Земли. 14. Часть молекулы. 15. Одежда. 18. Деятель Великой французской революции. 19. Мебель.

По вертикали. 1. Спортивный термин. 2. Домашнее животное. 3. Заострённая жердь. 4. Произведение А. Куприна. 5. Растение. 6. Жидкость для придания блеска обрабатываемой поверхности. 8. Спортивный инвентарь. 9. Многолетняя болотная трава. 10. Мягкий белый известняк. 12. Сладкое блюдо. 16. Птица. 17. Бесцветный газ, составная часть воздуха.

ХИТРЫЙ РЕБУС

(Составил Ю. МАЦКЕВИЧ)

Здесь зашифровано название животного...

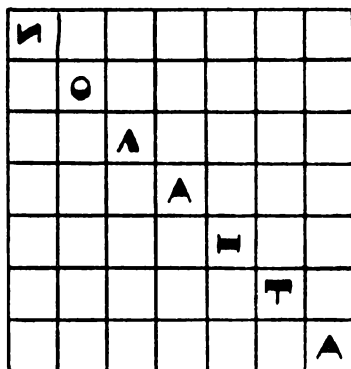
Отдел ведёт В. Акентьев

РУССКАЯ МУЗЫКА

(Составил Л. ГЕЛЬФАНД)

Сохраняя в соответствующих клетках уже вписанные буквы, впишите в горизонтальные клеточные ряды следующие слова:

1. Восточная фантазия Балакирева.
2. Персонаж оперы Верстовского «Аскольдова могила».
3. Танец.
4. Героиня оперы Лысенко.
5. Выдающийся русский певец.
6. Музыкальное произведение.
7. Опера Серова.

ПО ДВЕ БУКВЫ

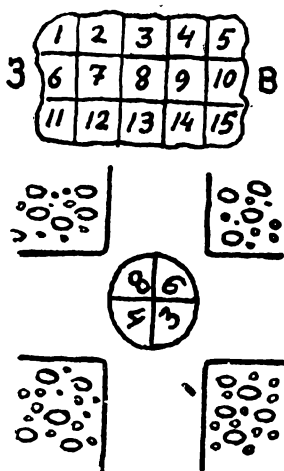
(Составила Оля АНДРЕЕВА,
ст. Мыслино, Волховского р-на)

Выбрав по две смежные буквы из каждого слова, составьте восточную пословицу:

Омут, подруга, космос, гость, ранец, конус, жажда, раёшник, Ватсон, заявка, пыл, вишня, строй, год, межа, дерево.

ЭТО ПРИГОДИТСЯ

На нашем рисунке изображено в плане пересечение лесных просек и (условно) столбик с цифрами, указывающими номера лесных кварталов. Разбивка лесного массива и нумерация кварталов всегда производятся в определённом порядке — кварталы нумеруются, начиная с северо-западного угла массива с запада на восток, затем в этом же направлении (на восток) — второй ряд кварталов, лежащий южнее первого, и так далее...

В результате столбик с четырьмя цифрами, который можно увидеть на каждом лесном перекрёстке, является своеобразным «компасом»: направление на север всегда лежит между самими..... числами столбика.

Постарайтесь сообразить, какое слово нами пропущено.

ПО ДВЕ БУКВЫ

(Составил Саша ПАРАМОНОВ)

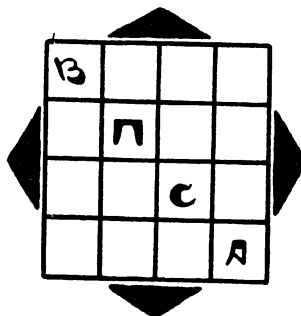
Вот одиннадцать слов:

Стяг, жердь, рулон, вуаль, мечеть, день, мельница, берег, окоп, ковбой, союз.

Взяв по две смежные (рядом стоящие) буквы из каждого слова, составьте фразу.

Чьи это слова?

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Какие слова можно вписать в горизонтальные ряды этой фигуры, чтобы они читались и в вертикальных рядах?..

Вписанные буквы должны соответственно войти в найденные вами слова.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4)

КРОССВОРД

Сверху вниз слева направо.

1. «Парус». 3. Кузов. 5. Мухомор.
7. Гид. 9. Корма. 12. Гопак. 13. Паводок. 16. Кобра. 18. Шторм.
19. Куб.

Сверху вниз справа налево.

2. Бак. 4. Кутузов. 6. Кубок. 8. Лимон. 10. Попов. 11. Амбар. 14. Пантера. 15. Кожух. 17. Ворот. 20. Ярд.

ЧАЙНВОРД «Р»

1. Револьвер. 2. Репетитор. 3. Репродуктор. 4. Ректор. 5. Рур.
6. «Ревизор». 7. Резервуар. 8. Редактор. 9. Рупор. 10. Репертуар.
11. Разговор. 12. Режиссёр. 13. Регулятор. 14. Рейсфедер. 15. Революционер.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

1. Легенда. 2. Лемешев. 3. Танкред. 4. Секстет. 5. Томский. 6. Елецкий. 7. Грязной.

РЕБУС

У зависти глаза велики.

ШАРАДА

Си + ре + на = сирена.

СОДЕРЖАНИЕ

Баллада о вечерних звёздах. Стихотворение С. Когана . . .	1
Русская печка. Рассказ А. Зверинцева	2
Наперекор огню. Очерк Г. Князева	11
Поросёнок. Рассказ В. Фарберова	25
Мальчишка с собакой. Окончание рассказа В. Козлова . .	27
Из дневника Волго-Балта. Подборка стихов В. Иванова .	34
Мы — весёлые ребята. Продолжение пьесы Ю. Томина .	36
Лисий Нос, По грибы, Разбойники, На реке. Стихи Л. Агеева :	46
Десять музеев в одном альбоме. Статья Э. Миронова . .	49
Страна Ужландия. Стихотворение Л. Стекольниковой . .	54
Жаба из Бразилии. Статья Е. Нинбурга	55
Юмор наших друзей	58
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Пришёл футбол».

На 2-й странице обложки фотозтюд Г. Сафонова «На границе».

На 3-й странице обложки рисунки художника В. Френца «Далёкая Камчатка».

На 4-й странице обложки рисунок-загадка П. Вискова «Каких картин герой сейчас перед тобою?»

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 20/III 1967 г. Подписано к печати 28/IV 1967 г. 4 печ. л.
М-09182 Заказ № 480 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 73 100 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ДАЛЕКАЯ КАМЧАТКА

